

A large, detailed dragon with green scales and red wings is shown in flight, dominating the upper half of the image. It is positioned over a town with white-washed buildings and domes, typical of Mediterranean architecture. The sky is a dramatic, fiery orange and red, suggesting a sunset or a battle. The dragon's wings are spread wide, and its tail is long and pointed. The overall scene is one of epic fantasy.

Олан Краси́ков

Мемуары Мага
История первая
Гибель Соттома и Гемерра

Олан Красиков

**Мемуары Мага. История первая.
Гибель Соттома и Гемерра**

«Автор»

2024

Красиков О.

Мемуары Мага. История первая. Гибель Соттома и Гемерра /
О. Красиков — «Автор», 2024

История Мага о гибели города Соттом и селения Гемерра, это рассказ о том, что в действительности произошло в давние времена. Впоследствии эти события были изучены учеными людьми и внесены в «правильном» виде в учебники истории. Различия в изложении этого события вполне объяснимы. Официальная История пишется людьми, а Маг является волшебником. Люди пытаются втиснуть громаду прошедших событий в узкие рамки своего собственного разума и, если это не получается, выдумывают сказки. А Маг рассказывает только о том, в чем лично принимал участие. И именно его участие, участие волшебника и сформировало это событие. История людей и История волшебников, это две совершенно разные истории нашего мира.

© Красиков О., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олан Красиков

Мемуары Мага. История первая.

Гибель Соттома и Гемерра

Глава 1

Сегодня с утра море было тихим и умиротворённым. Голубые волны неторопливо набегали на пляж и также неторопливо откатывались назад, шурша мелкой галькой. Удаляясь от берега, море сначала набирало цвет, постепенно меняя оттенки от лазурного до темно синего, а приближаясь к линии горизонта, снова светлело и в конце просто сливалось с голубизной выси, незаметно переходя в голубой купол неба. Тихий плеск волн, тихий шорох гальки, лёгкий тёплый ветерок и запах моря, всё, что нужно для успокоения и расслабления. Маг подставил лицо лучам утреннего, ещё не жаркого солнца и прикрыл глаза. Хорошо. Это место всегда притягивало Мага. Прекрасный вид на море с высоты первого уровня защиты Цитадели, массивность каменных стен, слегка выщербленных временем, и строгий незабываемый вид самой Цитадели Великого Магриба за спиной внушали спокойствие и уверенность в полной безопасности. Пусть не совсем полной, пусть слегка ложной, но всё же безопасности. Место, где можно просто посидеть на крепостной стене между зубцами, свесив ноги вниз, и посмотреть на море. Один из последних уцелевших клочков некогда великой и процветающей империи, раскинувшейся на благодатных землях южного побережья внутреннего моря. Теперь основная территория бывшей империи превратилась в безжизненную и безлюдную каменистую пустыню с редкими оазисами жизни, постепенно исчезающими под напором песка и сухих ветров.

Поэтому с детства Маг не любил посещать южную часть Цитадели, откуда открывался вид на мёртвые территории империи, всё ещё опасные и непригодные для жизни, а приходил, если выпадала такая возможность, именно сюда, на северный оборонительный рубеж и смотрел на живое весёлое море. В детстве такая возможность не выпадала вовсе, поэтому тогда Маг ухитрялся выкрадывать эту возможность и находить лазейки в жёсткой системе контроля, установленной в Цитадели. Найденные лазейки быстро перекрывались суровыми наставниками, и приходилось искать новые, более изощрённые способы, чтобы скрыться от надзора и выбраться хотя бы на мгновение на первый уровень северной стены. В детстве Маг надеялся, что став старше он обретёт право самому решать, куда идти и как распределять своё время. Надежды так и остались надеждами. Чем старше он становился, тем всё больше обязанностей сваливалось на его голову, всё запутаннее и опасней становилась его жизнь в Цитадели. Свободного времени уже не оставалось и чтобы иметь возможность выбраться на приглянувшееся ему место, приходилось вырывать эту возможность. Вначале он грубо корёжил, насколько хватало его сил, русла грядущих событий, пытаясь перенаправить действительность в нужном ему направлении, что довольно быстро и безжалостно исправлялось и блокировалось наставниками. По мере взросления Магу для достижения своей цели приходилось действовать всё более искусно, используя все полученные от наставников знания, расплетать наступающие события на десятки мелких линий и переплетать их между собой в разных сочетаниях, пряча в клубке возможных событий единственную необходимую ему возможность. А дальше, зная порядок свершения будущих событий, можно было просто поступать в соответствии с этим порядком, что и приводило к долгожданной возможности посидеть между каменными зубцами крепостной стены, болтая ногами, победно улыбаясь и любясь видом моря. Или, скрипя зубами, заниматься чёрной работой в подвалах Цитадели, если наставники успевали переплести нити собы-

тий по-своему. Некоторое время противоборство с системой ограничений шло с переменным успехом, пока однажды Маг не создал полноценный узор, вплетя в него и линии судьбы своих наставников и контролирующее весь узор стихийное бедствие в виде урагана, возникающее при попытке внести изменение в рисунок узора. Изменять узор никто не решился, как самонадеянно казалось тогда Магу, и он смог целый час сидеть возле моря, отдыхая от сложнейшей работы по плетению узора судьбы и строя радужные планы на будущее. Развить удачу не получилось, потому что на следующий день он уже получил первое настоящее задание от Совета Великого Магриба и впервые отправился из Цитадели в большой мир. Большой мир оказался, действительно, огромным и многообразным, вмеща в себя и красочные и тусклые области, но ни в одном из мест большого мира Маг не ощущал такого слияния спокойствия и безопасности, какое приходило к нему с детства в этом месте. Только здесь можно было расслабиться и посидеть в одиночестве, наблюдая изменчивую поверхность моря.

В последнее время долго находиться в одиночестве почему-то не удавалось, всегда быстро находилась кто-нибудь, кто ненароком нарушал уединение Мага. Вот и сейчас он почувствовал осторожное внимание к себе со стороны моря. Маг, не меняя позы, рассеянно окинул взглядом район отмели и краем глаза заметил возле одного из валунов, выдающихся из воды и обросших по бокам длинными водорослями, небольшой островок зелёных нитей, вольно колыхающийся на волнах. Маг скользнул взглядом по соседнему валуну и стал рассматривать далёкий горизонт, ожидая продолжения. Островок водорослей, словно почувствовав скользкий взгляд Мага, приблизился вплотную к валуну, и из воды показалась тонкая белая рука, цепко ухватившаяся за край валуна. Набежавшая крупная волна почти захлестнула валун, и, схлынув, оставила на камне странное существо, nereиду, окутанную копной длинных зеленоватых волос. Нереида села поудобнее на камень, прикрылась гривой волос и громко шлёпнула по воде широким рыбьим хвостом, которым заканчивалась нижняя часть её тела, привлекая к себе внимание Мага. Маг помахал рукой, приветствуя nereиду, и та в ответ заулыбалась и приглашающе помахала зажатой в руке большой двустворчатой раковиной. Маг посмотрел себе под ноги, как бы оценивая возможность прыгнуть вниз с высоты пяти своих ростов, и развёл руками. Нереида засмеялась, явно не веря Магу, и занялась разделкой раковины. Раньше, за всё время своей жизни в Цитадели Маг никогда не замечал nereид у берега. Другие ученики втихомолку рассказывали невероятные истории об их тайных встречах с nereидами и даже хвастались любовными связями с ними. Хотя ученикам строжайше были запрещены любые внешние контакты с кем бы то ни было и, уж тем более, запрещалось общение с nereидами. Маг с интересом слушал рассказы, восхищался смельчаками, но, обладая даром видеть отблески мыслей в куполе души, окружающем любого человека, ясно видел отсутствие хоть какого-то намёка на правдивость у рассказчиков. Наставники же о полумрачных полурывах особо не распространялись. На вопросы о nereидах рассеянно отвечали, что да, существуют, но ни враждовать, ни дружить с ними не рекомендуется, и вообще, именно ему, Магу, никаких дел вести с этими существами никогда не придётся, не тот у него дар и не то предназначение, поэтому и забивать голову ненужными знаниями не следует. Но в нынешний приезд в Цитадель после выполнения очередного задания Совета Великого Магриба любой приход Мага к морю сопровождался появлением nereиды, причём с каждым разом nereида становилась всё смелее и смелее. Если раньше она осторожно разглядывала Мага из воды, то теперь уже не боялась забираться на камень и даже пыталась общаться мимикой и вполне понятными жестами.

Нереида между тем длинными ногтями подрезала створки раковины и с видимым усилием раскрыла раковину. Короткими отточенными движениями освободила раковину от моллюска, отложила раковину, заинтересованно покопалась в разделанном обитателе раковины, торжествуя засмеялась и показала Магу засиявшую на солнце горошину жемчуга. Маг одобритительно хлопнул в ладоши. Нереида польщённо улыбнулась и принялась со вкусом поедать бывшего обитателя раковины. Маг сидел на краю стены, болтал ногами, улыбался nereиде и

рассматривал нехитрый узор купола её души, чувствовал исходящие от неё чувства лёгкого любопытства, благожелательности, спокойствия, довольства и завидовал её простому и неприязнительному существованию. Беззаботное, спокойное житье в теплом и ласковом море. Страхиться ей некого, кроме глупых сухопутных двуногих, море огромно, плавай свободно, где хочешь, делай что угодно твоим желаниям. Захотела поесть – достала раковину, вот тебе и обед, и неожиданное украшение. Ни тревог, ни забот. Нереида закончила лакомиться добытым моллюском, всполоснула в набежавшей волне руки, нарвала водорослей, забила ими пустую раковину и, захлопнув створки, замахала руками и захлопала по воде хвостом.

Маг на всякий случай тоже помахал рукой. Обычно, нереида, попрощавшись с Магом таким шумным образом, уплывала в море, но сегодня она осталась сидеть. Гибким движением откинула волосы за спину и, размахнувшись тоненькой белой ручкой, легонько кинула в сторону Мага раковину. Раковина взвилась в воздух по крутой дуге и, быстро пролетев немалое расстояние, на излёте попала прямо в руки Мага, тому и оставалось только подхватить падающую к нему раковину. Маг, растерянно улыбаясь, промерил взглядом расстояние между ним и нереидой и понял, что он бы при всём желании, даже бросая сверху вниз, не смог бы добросить лёгкую раковину до весело хохочущей нереиды.

Всё-таки нереида вовсе не была слабым и беззащитным существом, как казалась, и это могло оказаться и интересным и полезным знанием. А всякие новые знания Маг очень любил, особенно если за это не нужно было что-то отдавать, как это полагалось по правилам Цитадели Магриба. Маг подцепил створки раковины и с усилием раскрыл её. На подкладке из мохнатых водорослей лежала белая матовая жемчужина. Маг вытащил жемчужину, отложил в сторону раковину, полюбовался блеском жемчуга и поднял его над головой, показывая нереиде. Нереида радостно зашлёпала по воде хвостом, но видимо этого показалось ей мало и она решила окончательно поразить Мага, потому что дальнейшие её действия перевернули прежние представления Мага о морском народе.

Нереида лёгким синхронным движением рук провела от середины бёдер вниз к сужению хвоста и блестящая чешуйчатая кожа по бокам хвоста под воздействием её рук легко начала расходиться в стороны. Нереида засунула руки под кожу, сосредоточенно нахмурилась и вдруг хвост вместе с чешуйчатой кожей начал сползать с нереиды, отделяясь от неё. Маг, наблюдая за этими невероятными действиями, задействовал все свои способности, надеясь увидеть выплеск магической энергии, чтобы попытаться запомнить и понять принцип творимого на его глазах волшебства. Купол души нереиды окрасился яркой эмоцией удовольствия. Сквозь простенький узор на мгновение проступила сложная и запутанная цветная структура, которая тут же исчезла и оставила на виду прежний узор с простым и легко читаемым набором чувств и желаний. Но ни всплеска энергии, ни следов производимого волшебства Маг так и не заметил. Нереида сняла с себя рыбий хвост, положила его рядом на камень грудой сверкающей чешуи и, откинувшись чуть назад и опершись на руки, с удовольствием стала болтать голыми ногами, подражая Магу.

Вот этому Мага точно в Цитадели не учили. А припомнив выдуманные рассказы своих соучеников, Маг понял, что и их этому тоже не учили. Судя по услышанным от них нелепым рассказам, они даже и не подозревали, что полурыба-получеловек может в течение минуты превратиться из нереиды во вполне нормальную человеческую девушку и никаких сверхсложных и экзотических действий для любовной связи с ней в принципе и не требуется. Разве что обоюдное согласие и влечение. Но когда перед тобой болтает длинными стройными ногами почти обнажённая нереида, прикрытая только какими-то странными облегающими короткими штанишками из рыбьей кожи, то с влечением вопрос отпадает сам собой. Остаётся лишь прояснить вопрос об обоюдном согласии. Нереида тем временем встала на камень и, глядя на Мага, закинула руки за голову и, подхватив гриву волос, вскинула их наверх. Копна длинных волос взлетела вверх и рухнула зелёным водопадом на нереиду, заструилась по её плечам и гибкому

телу. Мага бросило в жар, он непроизвольно наклонился вперёд, чуть не сорвался со стены и отстранённо осознал, что его только что эмоционально атаковали и пытаются соблазнить, хотя и прямолинейно, зато действительно, но он собственно даже и не возражает, а, наоборот, даже готов прямо сейчас прыгнуть вниз и побежать соблазняться. Маг спокойно прикинул возможность попасть в ловушку, решил, что нет ничего такого, с чем бы он не мог справиться. А за новые знания всё равно платить необходимо, согласно правилам Магриба. Но тут nereida отвернулась от Мага и внезапно присела, а спустя мгновение Маг услышал лёгкие шаги. Судя по характерному прихрамыванию, по стене у моря решил прогуляться старый наставник Мага волшебник Хрос. Нереида схватила свой рыбий хвост и начала в него влезать. Маг расслабился и с сожалением стал наблюдать за быстрым превращением привлекательной девушки в бесполое существо получеловека-полурыбу. Когда Хрос подошёл к Магу и заглянул через его плечо на море, nereида уже вернулась в свой первоначальный облик и закуталась в пряди волос. Почувствовав чужое внимание, nereида колко, минуя Мага, глянула на Хроса, что-то сказала с сердитым выражением лица и исчезла в крупной волне, захлестнувшей камень. Когда волна схлынула, на камне nereиды уже не было.

– Так вот зачем ты сюда ходишь, – хохотнул Хрос, – на здешних рыбок охотишься, значит. А Совет-то голову ломает, что ты всё сюда неудержимо рвёшься, прямо никто остановить не может. А у тебя здесь романтические свидания, прямо как в сказании о светлом царевице Рохе и прекрасной nereиде Жемчужне.

Маг повернул голову и вопросительно взглянул на Хроса.

– А так ты этого сказания не знаешь. Всё верно. Его теперь уже никто и не помнит, все те, кто знал, остались там, в проклятых песках. – Хрос помрачнел и его морщинистое лицо, обрамлённое длинными седыми волосами, стало ещё морщинистей.

– Ладно, там только начало было хорошим, потом всё равно всё плохо кончилось и все умерли, как это и бывает в настоящей жизни. Так, а это что?

Хрос ткнул скрюченным пальцем в раковину.

– Это подарок мне. – Маг раскрыл раковину и показал её Хросу.

– Водоросли я вижу, а где же сам подарок?

Маг раскрыл ладонь и показал на раскрытой ладони жемчужину.

– Ты взял жемчуг у nereиды и показал ей, что ты его взял? – Захрипел Хрос.

Маг кивнул и с интересом стал ждать продолжения. Все ученики в Цитадели знали, что когда Хрос начинает возмущаться у него садится голос, а дальше следует разнос, наказание и полезное поучение. Разноса Маг давно уже ни от кого не боялся, разве что от своего учителя Марвина, но тот был сейчас далеко, наказание на него мог теперь накладывать только Верховный Совет Великого Магриба, а поучения Хроса всегда были познавательны и полезны, тем более что за них он ничего не требовал взамен.

– Дурак! – Загремел Хрос. – Чему, спрашивается, тебя, бестолочь, учили великие мудрецы Магриба? Ты что, не помнишь, неуч забывчивая, что нельзя ничего брать у коварных nereид просто так, только за услуги, да и услуги им оказывать запрещено? Теперь ты от неё уже не сможешь вовек отвязаться. Она тебя теперь будет всюду преследовать. Это прямое нарушение запрета из свода запретов! Тебя следует немедленно отправить в проклятые пески на полгода, чтобы ты чистил там скверну и прочищал себе память! Заодно избавишься от пристававший nereиды, уж там-то она до тебя точно не доберётся!

Маг не сдержался и не смог подавить смешок.

Хрос осёкся и растерянно поглядел на старающегося быть серьёзным Мага, теперь уже не ученика. Полноценного боевого волшебника.

– Учитель Хрос, я понимаю, что ты всегда желал мне только доброе и хотел, чтобы я помогал тебе чистить скверну в проклятых песках. Не моя вина, что меня не допустили до этой

полезной и необходимой нам всем работы. Но разве во время обучения ты хоть что-нибудь рассказывал нам о нереидах?

– Я и не обязан был вам это рассказывать. Это не моя специализация. – Сварливо буркнул Хрос.

– Но, учитель Хрос, это же вы рассказывали нам об опасных существах и чудовищах, обитающих в воде и на суше, и вы же учили нас, как следует поступать при встрече с ними.

– О чудовищах да, рассказывал, но народ моря к ним не относится, народ моря, не чудовища, это обычные люди, такие же как мы. Просто они всегда жили и остались жить в море. А мы вынуждены были покинуть нашу с ними общую купель, когда она стала остывать, рискнули выйти из моря на сушу и приспособились здесь существовать. А больше мы ничем друг от друга, в общем-то, и не отличаемся.

– Учитель Хрос, – продолжал давить Маг противным рассудительным голосом, – если они такие же как мы, то у них должны быть ноги, ну и всё прочее, отличающее мужчин от женщин, а я заметил, что у них вместо ног рыбы хвосты и ничего более нет.

– Всё-таки, ты бестолочь, и зря Совет возлагает на тебя какие-то пустые надежды, впрочем, и в Совете полно и не таких бестолочей, прости светлый Ахура за правдивые слова. Чего ты привязался к хвостам? Если ты едешь в колеснице, то это не значит, что у тебя вместо ног выросли колеса. А если ты натянул штаны, то не стал от этого бесполом болваном. Вполне допускаю, что у кого-то из морского народа и вправду срослись ноги и стали они подобны дельфинам, вернувшись в свою исконную природу, только это большая диковина. В основном, морской народ ног не утратил, а для удобства плавания придумал накладные хвосты. С нами, они понятно, своими секретами не делятся, но в этих их хвостах можно и обычному человеку плавать. Ещё бы знать, как без затей дышать под водой. Но даже и без этого в таких хвостах можно было за день доплыть от Цитадели до золотых столичных озёр Великого Светозарного Магра.

Хрос мечтательно задумался, а Маг подумал, что сегодня узнал про Хроса значительно больше, чем за всё время учёбы.

– Учитель Хрос, а я вот нигде не нашёл объяснения, почему озера Светозарного города Магра именовались золотыми, что в них было особенного, волшебство?

– Золотые озера. – Хрос помолчал. – Странно, я никогда не думал, что эти места мне когда-нибудь захочется забыть. А вот теперь очень хочется. Золотые озера – каскад озёр, ложе для них было вырезано в минерале, включающем в себя золотистые блёстки. Не золото конечно, но при свете солнца всё это искрилось так, что вода, казалось, была пропитана золотом, и над ней висело в воздухе золотистое сияние. С берегов в озера падали сверкающие водопады, а навстречу им со дна били фонтаны, и многоголосый звон рассыпающихся струй сливался в незабываемую мелодию. И у каждого озера она была своя. Считалось, и не без основания, что вода Золотых озёр обладает сильным целительным свойством. Золотые озера – произведения древнейших волшебников – Первых, а может их незадачливых потомков Вторых – как бы символизировали и отражали внутреннюю суть своих создателей. Впрочем, Вторые были как раз одиночками и творили только для себя и для своего удовольствия, их никто, кроме себя самих, не интересовал, а Золотые озера – это для всех, для сопереживания с кем-то. Как вас учили, Первые – изначальные великие древние волшебники, создатели звёздных виман или умерли или ушли за пределы сущего. Вторые же очень рьяно уничтожали друг друга, а заодно и всё, что попадало в область уничтожения. А они, надо тебе знать, не мелочились и работали не по отдельным целям, а сразу по целым районам, совсем не интересуясь, кто в этих районах обитает. Чтобы остановить эту бойню нам, их последователям, пришлось объединиться и попытаться примирить разбушевавшихся Вторых. Попытка примирения обернулась чередой локальных войн и закончилась полным уничтожением оставшихся Вторых и всего, что они создали. А вот на Золотые озера рука ни у кого не поднялась. Вокруг них выстроили

столицу империи Магриба – Великий Светозарный город Магр. А во время Последней войны с империей Хараппи город был уничтожен и никто из жителей не выжил.

Хрос поморщился, взял в руки раковину, повертел её и положил обратно.

– Ты знаешь, а в этот раз мне с моим учеником Кюном повезло зачистить от скверны большой район, и мы вышли на берег Золотого озера. Лучше бы я этого не видел. Во время Последней войны виманы Хараппи атаковала Великий Магр, и, применив проклятое и запретное волшебство брахмастры, зажгли три солнца над городом. Город погиб сразу, но люди ещё жили и все, кто мог двигаться, бросались в воды Золотых озёр. Кто-то из волшебников, наверное, ещё держал оборону и растягивал защитные купола над озёрами, и тогда Хараппи зажгли четвёртое солнце прямо над озёрами. Озёр больше нет, только чёрные ямы, заваленные чёрными костями и песком. И везде налёт скверны. Теперь нескоро мы с Кюном выйдем в проклятые пески, слишком выложились за этот поход и заменить нас можешь только ты, ни у кого другого за последние столетия не обнаружилось нужного дара.

– Учитель Хрос, если таково будет решение Совета Великого Магриба, то я отправлюсь в проклятые пески, но может, есть другое решение? Если народ моря такие же, как мы, то и волшебники среди них тогда тоже есть. И вполне вероятно, есть одарённые со способностью выжигать скверну. Может быть, Совету стоит подумать о снятии запрета на общение с народом моря?

– Смотри-ка, как тебя зацепила эта рыбка, – усмехнулся Хрос, – или ты разглядел в своей смазливой рыбке что-то особенное? Она, надо полагать, не удержалась и продемонстрировала тебе и своё тело, и свой дар? Так у них почти все обладают каким-нибудь даром, иначе бы они не выжили в охладившейся купели, только дар, в основном, слабый и не имеет отношение к истинному боевому волшебству. А запрет, ну да, он вроде как есть, а вроде как и нет его. Это не мы не желаем общаться с ними, это они прекратили после Последней войны общаться с нами, и с Магрибом, и с Хараппи, считая, что мы, их неразумные дети, вконец сошли с ума, и стали опасны и для самих себя и для народа моря. В этом они, пожалуй, правы, и в этом я с ними даже вынужден согласиться. Сейчас народ моря если и общается с кем-нибудь из волшебников, то преследует исключительно свои цели, бесполезные и непонятные для нас.

– И запомни на будущее. – Хрос задумчиво посмотрел на Мага, и Маг заметил лёгкую грустинку во взгляде старого Хроса. – После того, как они используют наши способности в своих интересах, благодарности от них не жди, мы просто перестаём для них существовать.

Хрос перевёл взгляд на море, помолчал и махнул рукой.

– Всё, хватит тебе развлекаться у моря, тебя ждёт сам глава, прости пресветлый Ахура за пустые слова, Верховного Совета, а я пока погляжу на море, может и ко мне какая рыбка приплывёт.

Маг слез со стены, церемонно поклонился, поблагодарил учителя Хроса за науку и содержательную беседу и, когда пошёл по галереи, услышал вдогонку совет:

– Смотри там внимательней под ноги, чтобы не запнуться.

Маг кивнул на ходу, показывая, что услышал совет и улыбнулся. Старый Хрос не имел права предупреждать Мага о неприятностях, которые ожидали того впереди, но он напрямую и не предупредил, а намёк не является нарушением правил.

Маг прошёл половину пути до башни Совета, миновал множество мест удобных для организации засады, но ничего подозрительного не обнаружил, и только спустившись во внутренний хозяйственный дворик, почувствовал лёгкий холодок, пробежавший по спине. Кто-то неистово жаждал увидеть его кровь, хлещущую из ножевой раны. Маг окинул взглядом дворик и перешёл на раздвоенное зрение. Ворота в Надвратной башне слева от Мага закрыты. Возле ворот стоит караул. Лёгкая броня, сабли в ножнах, длинные копья, внешне совершенно спокойны, наблюдают за разгрузкой телеги, стоящей посреди двора. Над караулом витает общее марево любопытства и алчности. Двое крепких парней сталкивают с телеги бочки и откаты-

вают их в открытые ворота кладовой прямо напротив Мага. У парней ярко просматривается общее желание закончить работу и уйти в прохладную тень, где у них в холодке спрятан кувшин разбавленного вина. Справа от Мага узкие двери, обитые железными полосами. А за ними галерея, ведущая к башне Совета. По обе стороны двери замерли стражники в лёгком доспехе, сабли в ножнах, короткие копья. Купола душ подёрнуты серым туманом, но всё равно заметно, что стражники предельно сосредоточены и чего-то опасаются. В надвратной башне чувствуются трое лучников. Внимательно наблюдают не за внешними стенами, а за внутренним двором. На стене прогуливаются трое молодых парней в серой одежде учеников, но с алыми поясами – признаком волшебника-выпускника последнего года обучения. Маг повернул налево и не спеша направился к караулу надвратной башни, на ходу доставая из кошелья у пояса серебряную монету. Возле десятника Маг остановился и, вертя между пальцами монету, спросил про содержимое бочек.

– Бочки с вином, господин волшебник, вчера прибыл греческий калас, а вот какое вино, сказать не могу, не пробовал ещё, – браво отвечал бородастый десятник, – если пожелаете, так мы враз прикажем нацедить кувшин на пробу.

Десятник выразительно глянул на мелькающую между пальцев Мага монету, – а если понравится, так и два кувшина нацедим.

– Не стоит торопиться, десятник. – Маг знал, что караул своей властью не может потребовать снять пробу с вина, а вот проверить «подозрение» волшебника о недостаточной годности вина он просто обязан.

– Вино ты своим людям до конца смены всё равно не дашь попробовать, а после смены у вас на столе и так будет кувшин вина из этих бочек. Лучше возьми эту монету и поставь на меня. Какие у вас там ставки?

– В накладе, не будете, господин волшебник, если всё будет как надо, – ушёл от прямого ответа усмехнувшийся десятник, – а вот я, к примеру, так на вас поставил.

Маг кивнул и направился к воротам кладовой вслед за мускулистыми парнями, скатывающими бочку. Расклад противников, в общем-то, определился. Лучников в башне можно было не опасаться, их абсолютно не заинтересовало исчезновение Мага в мёртвой для них зоне, и так же спокойно они отнеслись и к его появлению снова в зоне обстрела. А вот молодые волшебники на стене явно растерялись, когда поняли, что Маг сейчас может свободно спуститься в кладовую и из неё по переходам пройдёт мимо тщательно приготовленной ловушки.

Маг спокойно зашёл в кладовую, понаблюдая за установкой бочки, достал раковину нериды, выгреб из неё водоросли и, выйдя из кладовой, стремительно двинулся к стражникам, охранявшим вход на галерею. Ближайший стражник повернулся к Магу, выставив готовое к удару копьё. Маг, не останавливаясь, взмахнул рукой и длинные нити водорослей, пролетев рядом со стражником, легли на землю длинной зелёной полосой параллельно стене. Второй стражник, собравшийся обойти товарища, чтобы встать с ним рядом, тут же замер, не решаясь пересечь линию, демонстративно проложенную волшебником. На стене молодые волшебники, отходя от замешательства, довольно грамотно навесили на подопечных стражников магические щиты от вредоносного воздействия и скопом стали изучать странную полосу, образованную водорослями. Передний стражник опустился на колено, а второй легко забрался ему на плечи, перехватив копьё атакующим хватом в правую руку. Маг остановился и, выждав момент, метнул раковину в стену рядом со стражниками, в то же время щиты отвлёкшихся на водоросли волшебников поплыли под воздействием Мага.

Острые осколки разбитой раковины брызнули в лицо нижнего стражника, и тот непроизвольно отшатнулся. Прыгнувшего на Мага стражника повело в сторону, он гулко стукнулся шлемом о стену, звонко лопнул ремешок шлема и стражник, отлетев от стены, рухнул на четвереньки прямо перед Магом, мотая ушибленной головой. Маг рывком вырвал из ножен стражника саблю и плашмя стукнул ею попытавшегося подняться стражника по больной голове.

Перешагнул через упавшее тело и отбил резкий выпад копья стражника, который успел подняться с колена и, несмотря на заливающую глаза кровь из посечённых бровей, сумел нанести укол. Маг прыжком сократил дистанцию и головкой рукояти сабли ткнул стражника под козырёк шлема. На стене негодуяще закричали, а стражник обмяк и безвольно опустился на землю.

Маг пожал плечами. Всё было по правилам, волшебства он не применял, поэтому все добротнo составленные и навешенные на стражников волшебные щиты оказались бесполезны, а то, что выпускники отвлеклись и позволили на фатальное для себя мгновение распорядиться удачей своих подопечных Магу, так за это пусть сами отвечают перед своими наставниками, впредь им будет наука.

Выпускники перестали галдеть, и Маг заметил спешно формируемое ими атакующее заклинание. А вот это было уже не по правилам. Огненный удар в Цитадели применять было запрещено, это всё-таки не полигон для недоучек, к тому же наставники должны были, как и положено, для прохождения практики, поставить перед ними задачу отработки только защиты подопечных. Возможно, азарт взял у выпускников верх над разумом, что было странно, так как несдержанные ученики отсеивались уже на первом годе обучения. Но если молодых волшебников и захлестнуло эмоциями, затмив на время их способность здраво соображать, то на работе это никак не сказалось – сборка заклинания проходила удивительно быстро и слаженно. Но у совместного заклинания была небольшая слабость – нечёткий контроль, и Маг решил, что если для сотворения заклинания работают трое, то и четвёртому там тоже может найтись дело. Поэтому спокойно включился в работу на стороне противника и ускорил сборку так, что сборщики заклинания потянулись за новым лидером не успевая заметить ни чужака со стороны, ни некоторую неточность в сборке. Огромный огненный шар, выплыв буквально из ниоткуда, сформировался над головами выпускников и тут же с грохотом лопнул, засыпав серые одежды выпускников пылающими искрами и горячей сажей. Маг повернулся к двери, собираясь пройти в галерею, но по холодку, прокатившемуся по его спине, ощутил, что всё-таки почти попал в ловушку. Мгновенно развернувшись, он повернул саблю поперёк груди и ухватил тыльную часть острия левой рукой, для работы на короткой дистанции. Уже в развороте Маг уловил голубые высверки кинжальной стали с двух сторон и, едва успев отбить оба удара, шагнул вперёд, всаживая сабельное лезвие в грудь нападавшего. И тут же, оставив саблю в чужом теле, отбил в стороны от себя руки противника, собравшегося перерезать ему горло. Нападавший разорвал дистанцию и замер, выставив перед собой клинки кинжалов. Сабля, оставив на его груди длинный кровоточащий порез, упала на землю. Наступила тишина, даже выпускники перестали тушить тлеющую одежду и застыли на стене дымящимися фигурами.

– Доброго здоровья и долголетия тебе, мастер Гамид, – вежливо поздоровался Маг, внимательно разглядывая жилистую поджарую фигуру Гамида, пленного ассасина, пойманного в Цитадели лет семь назад и с тех пор используемого для обучения, проверки боевых навыков и профессионального отсева молодых волшебников. За семь лет Гамиду удалось почти убить трёх начинающих волшебников и умудриться остаться при этом не только живым, но даже не покалеченным. Последние четыре года целью Гамида был Маг. Глава Совета Горх обещал отпустить Гамида из Цитадели на свободу, если тот сумеет пустить кровь Магу, но именно с этого момента удача полностью изменила ассасину. Раз за разом Маг уходил целым и невредимым, избегая или просто уничтожая искусно подготовленные ловушки. А вот Гамиду, несмотря на его огромный опыт, каждый раз приходилось залечивать очередное ранение, полученное от увёртливой цели да копить в глубине души горечь поражения и злобу на победителя, каждый раз оставляющему ему надежду на свободу и не желающего нанести ему смертельный удар и освободить от позорной жизни.

– Не могу пожелать тебе ни первого, ни второго, Маг, – хищно ухмыльнулся Гамид, не обращая никакого внимания на кровоточащую рану и меняя стойку из оборонительной в атакующую.

– Глупо желать тебе того, что у тебя исчезнет через пять ударов сердца. Моего сердца, твоё-то сердце скоро замрёт. Извини, но я очень тороплюсь. Я хочу до полудня выйти на свободу из вашей проклятой Цитадели, да разрушит её чёрный Ариман до основания.

– Ну, пока что не Ариман, а ты разрушаешь Цитадель. Вот какую ямину вырыл, чтобы спрятаться от меня под землёй, а стоило мне повернуться к тебе спиной, как ты уже тут как тут и готов ударить в спину. И что об этом говорит кодекс искусства убийства ассасинов?

– Когда очень спешишь, можно ударить и в спину, – равнодушно ответил Гамид и качнулся из стороны в сторону, наблюдая за реакцией безоружного Мага.

Маг понимающе покивал, зевнул и нагло потянулся. Караульные дружно охнули, а Гамид сделал полшага вперёд так, что клинки почти упёрлись в незащищённый живот Мага.

– Мастер Гамид, ты не подскажешь мне, что такое техника квахра-василиска? Очень хочется знать.

– Это техника нанесения знаков повиновения на тело ассасина. Воин выполняет любой приказ главы клана ассасинов, становится непобедимым, не знает боли, страха и сомнения. Высшая ступень искусства убийства, – терпеливо пояснил Гамид.

– Значит, сегодня ты достиг высшей степени в своём искусстве, прими мои поздравления, Гамид.

– А ты прими свою смерть. Она будет лёгкой и быстрой. – Гамид сладко улыбнулся, и клинки замерли напротив сердца Мага.

– Ты меня не понял, Гамид. Мы с тобой встречались уже много раз, и в результате ты обзавёлся целым узором из шрамов. А сегодня я нанёс на твоё тело последний штрих. – Маг посмотрел на залитую кровью грудь Гамида.

– На тебе сейчас печать повиновения, причём это не какая-то татуировка, которую, в общем-то, можно снять вместе с кожей, и забыть про вашу квахру. Моя печать повиновения врезана тебе прямо в тело, и снять её нельзя ни до, ни после смерти.

– Ты пытаешься меня обмануть и отсрочить свою собственную смерть, – неверяще засмеялся Гамид, – но тебя твои пустые слова уже не спасут.

Гамид перетёк в другую стойку, и клинки нацелились в горло Мага.

– Что-то раньше, за все прошлые годы, Гамид, я не слышал от тебя ни слова хвалы, ни слова проклятья, а сейчас ты топчешься передо мной, как ученик-первогодок и разглагольствуешь, как болтливая женщина. Либо действуй и убивай, либо иди и закапывай яму, которую раскопал. А что до твоего желания, то обещаю тебе, оно скоро исполнится, но не полностью. Из Цитадели ты уйдёшь, а вот свободным тебе уже не стать. Никогда.

Маг повернулся к Гамиду спиной, открыл дверь, зашёл в галерею и направился к Башне совета. Гамид потерянно посмотрел на закрывшуюся за Магом дверь, на бесполезные кинжалы в своих умелых, но неповинующихся его воле руках. А когда понял, что не в силах перебороть в себе стремление взять в руки лопату и как можно быстрее закопать яму во дворе, то не выдержал и дико заорал от безысходности с такой яростью, что пришедшие в себя стражники начали быстро расползаться в разные стороны, а чумазы, чадающие выпускники поспешили скрыться в надвратной башне.

Глава 2

– Ты заставляешь себя ждать. – Глава совета Горх недовольно оглядел стоящего перед ним Мага и раздражённо постучал пальцами по столешнице из эбенового дерева. Маг молча кивнул соглашаясь. Горх никогда не был доволен действиями Мага и выражал это всегда демонстративно, поэтому оправдываться, а тем более обвинять главу совета в том, что он только что лично организовал столь изощрённую ловушку Магу, было бесполезно. А сомнения в том, кто разработал нападение, у Мага не было, только глава совета мог дать разрешение на применение боевого разрушающего заклинания в стенах Цитадели. Правда на фоне большей части совета, отношение самого главы совета к Магу можно было считать скорее лояльным и даже добросердечным. Большинство в совете испытывало к Магу необъяснимую для него глухую враждебность и, хотя внешние приличия соблюдались, дар Мага позволял ему наблюдать яркое кипение отрицательных эмоций и недобрых мыслей под защитной серой пеленой, которой члены совета окутывали коконы своих душ. Маг пытался выяснить причины такой неприязни у своего учителя Мервина. Но Мервин, сам бывший в прошлом членом Совета, только похлопал его по плечу и сказал, что члены Совета прожили долгую жизнь, но так и не смогли отойти от устаревших правил, заученных ими ещё в юности. И больше на эту тему не говорил.

– Совет даёт тебе новое поручение, – Горх с сомнением оглядел невозмутимого Мага и поморщился, – не так давно появилась возможность вернуть Великому Магрибу то, что принадлежит ему по праву, но было скрыто от него в смутные времена.

Горх замолчал, решая, что можно сказать, а что говорить не следует, чтобы не давать лишней, а значит опасной информации. В раздумье он подтянул к себе одиноко стоящую на широком столе подставку голубого дерева, на которой покоился кинжал с чёрной рукояткой в чёрных же потёртых ножнах. Снял с подставки кинжал, покрутил его, зачем-то попытался поцарапать ногтем крупный тёмный алмаз, вставленный в навершие рукояти, после чего вернул кинжал на подставку и небрежно оттолкнул её от себя. Тут уже поморщился Маг. Когда-то кинжал принадлежал учителю Мага – волшебнику Мервину, носящим в то время грозное имя Клинок Магриба и считавшимся тогда сильнейшим боевым волшебником Магриба. В одной из схваток Мервин потерял былую силу и вернул тёмный клинок Совету. Столь славный символ пусть и былого, но могущества Магриба не заслуживал пренебрежительного отношения. Но указывать на это главе Совета было совершенной глупостью. Зато можно было попытаться прервать затянувшееся молчание Горха, и Маг решил перехватить инициативу и попытаться выяснить побольше о новом задании.

– Готов по слову Совета Великого Магриба завтра же отправиться в Великий Светозарный Магр, чтобы вернуть то, что принадлежит Великому Магрибу, да хранит его пресветлый Ахура. – Бодро отрапортовал Маг.

– Вот как. С чего это ты решил, что Совет направляет тебя в погибшую столицу? – Нахмурился Горх.

– По словам Хроса, они вместе с Кюном очистили пустыню от скверны до самого Светозарного Магра, но при этом потратили все силы, и я так понял наставника Хроса, что Совет поручает мне закончить расчистку столицы от скверны и доставить в Цитадель что-то, что находилось в подземных хранилищах Светозарного Магра.

– Понятно. Хросу не даёт покоя мысль очистить всё пространство погибшей части Магриба от скверны и возродить империю вновь, только возможности у него для этого нет, вот и распространяет свои идеи вокруг, заражая ими нетерпеливые головы не хуже скверны. С ним-то всё ясно. Это его обязанность, принц крови всё-таки. Он, видите ли, не может ждать

десять тысяч лет, пока скверна исчезнет сама собой. А то, что уничтожая скверну таким диким способом – заставляя её отдавать всю свою силу сразу, в короткое время, он убивает вообще всё живое в округе, это его не беспокоит, дескать, жизнь возродится сама, только пока что-то не видно её возрождения на мёртвых камнях.

В Маг ты не пойдёшь, ничего интересного там давно уже нет. Ты отправишься в город Соттом. В Соттоме у богами проклятых гробокопателей видели вещь, очень похожую по описанию на сосуд Гораала. Твоя задача найти нечестивцев и выяснить является ли найденное ими сосудом Гораала. Если сообщение подтвердится, то отправишь сообщение в Цитадель и заберёшь все сосуды Гораала, какие они нашли, найдёшь крипту, где они хранились и заберёшь всё, что там есть. Обрати особое внимание на принадлежности для инициации сосудов Гораала. Все части принадлежностей надо собрать. Всё собранное немедленно переправить в Цитадель. Всех, кто видел сосуд Гораала уничтожить. Скорее всего, там появятся мантики Хараппи. Ни сосуды Гораала, ни принадлежности для инициации сосудов не должны попасть к Хараппи. Если это произойдёт, уничтожь всех волшебников Хараппи и заведи то, что они взяли. Желательно неповреждённым или, если это невозможно, то уничтожь всё и всех. После полного выполнения поручения получишь награду – любое знание первого уровня.

" Очень интересно", – подумал Маг, – "значит, совет обязался ответить на любой мой вопрос или предоставить любую информацию по любому запросу, случай очень нечастый".

– Верховный волшебник Горх, нас учили, как должен выглядеть сосуд Гораала и части принадлежностей к нему, но никто нам не говорил, для чего он нужен или для чего используется.

– Это то знание, какое ты хочешь получить при успешном выполнении поручения, волшебник Маг? – официальным тоном спросил Горх, и Маг сразу же сделал отрицательный жест.

– Нет, своё желание я выскажу после возвращения в Цитадель, верховный волшебник Горх. Я просто хочу уточнить, не приведёт ли к новой войне открытое уничтожение волшебников Хараппи на нейтральной территории?

Горх недовольно поморщился.

– Единоличное обладание сосудами Гораала волшебниками Хараппи может привести к резкому изменению равновесия между Хараппи и Магрибом и тогда войны на уничтожение уже точно избежать будет невозможно, а гибель нескольких волшебников ничего не изменит в этом мире. Хараппи, конечно, попытаются отомстить, этого не избежать, но на открытую войну они не решатся.

– Завтра в Пирей отправляется судно. Поплывёшь на нем. В море, если богам будет угодно, пересядешь на сидонскую бирему, что идёт в Библ. Ветра для тебя всё время будут попутными. Из Библа по торговому тракту доберёшься до Соттома. Монеты и камни для тебя уже приготовлены казначеем. Оружие у тебя своё, использование усиления твоего дара не предвижу.

– С разрешения Совета, я возьму с собой ассасина Гаида в качестве помощника.

Горх вопросительно взглянул на Мага и тот, избегая тяжёлого взгляда верховного волшебника, наклонил голову и продолжил.

– Сегодня я завершил создание печати подчинения Гаида, и теперь здесь он всё равно стал бесполезен.

– Согласен. Совет возражать не будет. Но учти, по возвращению в Цитадель, тебя будет ждать другой смертник для тренировок, я и впредь не дам тебе расслабляться и терять навык бойца.

Горх поднялся.

– Ступай и исполни порученное справедливо. И справедливо будешь вознаграждён.

– Поручение Верховного Совета Великого Магриба принято к исполнению и будет справедливо исполнено.

Установленные традицией фразы были произнесены, и Маг отправился к казначею.

У казначея, выполнив обязательные формальности, Маг получил дорожную сумку с тремя кошельками золотых, серебряных и медных монет и широкий кожаный браслет, имеющий накладные стальные пластины для защиты руки. Но кроме этого в браслете в особых углублениях хранился десяток драгоценных камней.

Когда Маг через галерею вышел в знакомый дворик, яма была уже засыпана. Гамид с повязкой поперёк груди, со скованными руками сидел в тени и смотрел пустым взглядом вверх стен на далёкие облака. Рядом стояли два караульных. Маг подошёл к Гамиду и заслонил ему вид на небо.

– Завтра утром отплываем из Цитадели на эллинском каласе. Будешь выполнять обязанности моего слуги.

Гамид встал и перевёл равнодушный взгляд на лицо Мага. Маг раздвоил зрение. Над головой Гамида в куполе души металась сполохи разочарования, ярости, ненависти, складывающиеся в багровый узор желания мести в самом крайнем её проявлении – убийстве. И всё это было туго затянуто белыми жгутами самоконтроля. А над всеми этими переливами клубился темно-фиолетовый туман контура подчинения. С многокрасочными узорными переплетениями, окружающими волшебников, увиденная картина сравниться не могла, но была по-своему тоже красива, хотя бы честными и яркими желаниями. Вот только отправляться выполнять поручения Верховного Совета с напарником, имеющим над головой факел эмоций, затянутый в узорные сетки внутреннего и внешнего ограничения, было не слишком удобно. Маг сосредоточился и накинул сверху дымку серого маскирующего заклинания. Конечно, сильный волшебник при пристальном изучении заподозрит обманку, но для среднего уровня видящих, купол души Гамида ничем не выделялся на фоне других людей, а пробивающаяся время от времени агрессивность вполне соответствовала характеру Гамида.

– Господин волшебник, – к Магу подошёл довольно улыбающийся десятник и протянул на раскрытой ладони Магу три серебряных монеты, – Ваш выигрыш.

– Два к одному. В основном, ставки были всё же не в мою пользу, тем приятней получить выигрыш – Маг сгрёб монеты и кивнул на Гамида, – Раскуйте его, он сейчас будет смирным. Выдайте ему оружие скрытного ношения по его желанию, отведите к лекарям и скажите им, что завтра он мне нужен максимально здоровым.

К вечеру Маг, наконец, добрался до своей кельи, снял охранное заклинание со своего сундука и дополнил дорожную сумку необходимыми в дороге вещами. Как учил Мага его учитель, старина Мервин, перед дорогой всегда следует хорошенько подумать и вспомнить всё, что происходило. Маг сел в позе сосредоточения и начал привычно перебирать в памяти события дня, окрашивая их в цвета и сортируя по степени важности.

Нереида. Для чего-то Маг очень понадобился морскому народу и, было бы интересно выяснить, зачем, а заодно интересно было бы узнать как можно больше о морском народе, но, к сожалению, это направление познания, как специально, было прервано неожиданным поручением. Маг плеснул на событие лазурный цвет надежды на продолжение приключения, но цвет внезапно загустел и превратился в глубокий синий цвет свершившегося с тонкими нотками вражды и сотрудничества одновременно. Маг достал из-за пояса спрятанный там подарок нереиды и положил на стол. Красивая, идеальной формы жемчужина притягивала взгляд, но что-то в ней было ещё, что-то привлекало помимо красоты. Маг колебался, но всё-таки раскрыл клапан кожаного браслета и заменил один из самоцветов на жемчужину.

Гамид. Совет, перед тем как дать поручение, решил проверить удачливость Мага и для этого пожертвовал стражниками и даже тремя выпускниками, чтобы вывести на верный удар ассасина. Совет был в своём праве, Маг был в своём праве и чтобы предотвратить запрещённое в стенах Цитадели заклатье, мог нанести контрудар и просто снести неопытных выпускников

со стены. Маг подумал и плеснул на событие серым. Серый цвет обыденности чуть пожелтел возможностью лёгкой опасности, но вскоре снова выцвел до серости.

Поручение Совета. Достаточно ясно определена цель, без какого либо обещания помощи для её достижения. Такое поручение, когда тебе противостоят волшебники Хараппи, очень сложно выполнить без потерь, даже имея помощь. Но поручение напрямую подразумевает потери, причём очевидно прогнозируются потери с обеих сторон, а про потери среди местного населения даже не ставится никаких ограничений. Такой уровень сложности поручают либо боевой группе волшебников, либо волшебнику одиночке высокого класса, заслужившего своё личное имя, известное всему свету. Маг такого уровня не достиг, и известность его ещё не коснулась. Совет мог дать такое поручение и смертнику, отвлекающему на себя внимание противника от основной группы, выполняющей задание Совета. Маг вполне имел возможность отказаться от поручения, но не имел возможности отказаться от награды. Знания в Магрибе доставались очень непросто. После окончания обучения выпускники волшебники уже не могли получать знания в Цитадели даром. Доступ к новым знаниям открывался либо в обмен на новое знание, принесённое в Цитадель, либо при выполнении поручений Совета. И это при том, что в Цитадели хранился огромный архив древних знаний. В первый же год учёбы начинающих волшебников водили в подземелья, и Маг сам видел в подвалах Цитадели неисчислимые стеллажи, забитые книгами и рукописями и даже драгоценными информационными кристаллами.

Как объяснял Магу его учитель Мервин, в Магрибе хранилища знаний были рассредоточены и хранились в Цитаделях, а когда в огне погибла и столица Магриба и все города, а цветущая страна превратилась в пустыню, покрытую скверной, хранилище знания в Цитадели уцелело. Но волшебников, которые могли ими воспользоваться, осталось слишком мало, практически все волшебники среднего и младшего уровня погибли. Уцелели волшебники высокого уровня, они и составили новый Совет Великого Магриба. Для создания более жизнеспособной смены Совет решил воспитывать и обучать новое поколение в суровых условиях, проводя жёсткий отсев и заставляя волшебников самим добывать новые знания. Состоявшихся волшебников держали на голодном пайке, ограничивая доступ к старым архивам. В империи же Хараппи архив знаний находился в столице, и вместе с гибелью Мохенджо-Даро древние знания были утеряны безвозвратно. Но число уцелевших волшебников Хараппи было больше чем в Магрибе, потому что были уничтожены только центры Хараппи, а не вся территория империи. Для возрождения страны все оставшиеся жители – носители определённых областей знаний были объединены в группы, отвечающие за сохранность этих знаний и передачу их следующим поколениям. В результате это вылилось в разделение общества на касты, где знания передавались внутри семей, составляющих касту. Отдельную касту составили волшебники Хараппи, и передача знаний стала в основном семейным делом.

Устоять перед искусом получения знаний первого уровня не смог бы никто из послевоенного поколения волшебников, ни магики Магриба, ни мантики Хараппи. И Маг тоже таким исключением не был.

Маг помедлил и окрасил событие золотым оттенком изменения судьбы. Золото расплылось и засверкало. Но через несколько ударов сердца сквозь блеск золота пробились алые краски смертельной опасности и запеклись на золотом фоне тремя пятнами трёх оттенков пурпура. Оттенок, означающий опасность со стороны волшебников Хараппи и оттенок, означающий опасность со стороны Магриба, были знакомы Магу. А вот третий оттенок Маг видел впервые, и откуда могла исходить угроза, ему было неизвестно.

Глава 3

Второй день калас с гордым названием Око Посейдона двигался на восток, не теряя из виду линию берега по правому борту. Ровный западный ветер наполнял огромный прямоугольный парус и калас скользил по волнам, оставляя за кормой вспененный след. Довольные гребцы каласа, этого более объёмистого подобия триаконтора, вольно сидели вдоль бортов в тени тен-тов из циновки и наслаждались спокойной жизнью. Лишь время от времени начальник гребцов – гортатор отдавал короткую резкую команду. И гребцы рассаживались по скамьям, освобождали от стопоров заданные вверх весла и начинали слаженно грести, отрабатывая оговорённую плату. Владелец каласа Никомедас переживал жаркую пору дня в помещении под кормовой палубой каласа, вполне полагаясь на кормчего, управляющего на палубе спаренными рулевыми вёслами.

Когда жара наконец спадала, Никомедас выходил из кормового помещения, где хранился наиболее ценный товар – деревянные ящики с белой хартой, белым папирусом, секрет изготовления которого был известен только магрибским мудрецам. Сопровождаемый слугой, нёсшим кувшин с вином, Никомедас неторопливо совершал обход судна. Поднявшись на кормовую палубу, он оглядывал линию берега в синеватой дымке, довольно шурился на наполненный парус и, перекинувшись фразами с кормчим, спускался по лестнице вниз, проходил мимо деловито суетящихся матросов, управляющих парусом по команде кормчего. Неторопливо миновал криолин – площадку гребцов, на которой гребцы мерно вспарывали волнующуюся плоть моря длинными вёслами под ритмичные удары гортатора по гулкому барабану. Подойдя к носовой палубе, Никомедас привычно проверил запоры кладовой с товаром, занимающей половину носового помещения и поднялся по наклонному трапу наверх, на палубу, где было установлено его кресло под тентом.

Вторая кладовая пустовала, и в ней пришлось разместить трёх пассажиров, принятых на борт «Ока Посейдона» в вызывающем суеверный трепет гнезде магрибцев, что внушало вначале большие опасения. Но пассажиры оплатили проезд честными монетами, да и ссориться с магрибцами, настоятельно советующими взять пассажиров, было Никомедасу не с руки. Пассажиры оказались совершенно безобидными людьми. Не пьющий вина лекар со своим слугой и философ Софос из Афин, который, по его словам, изучает варваров и познает знания варваров за пределами эллинского мира. Занятие само по себе пустое и бессмысленное. Никомедас пожил на этом свете немало, многое повидал и понимал, что варварские знания хороши для варваров, а для эллинов хороши свои, исконные знания. Папирус не растёт в Афинах, поэтому какой смысл знать, как из тростника делать библиос – листы папируса, пригодные для записей. Да и само знание дорого обойдётся любопытствующему, в Египте его могут за излишнюю любознательность бросить в Нил на корм крокодилам. А что могут сотворить в Магрибе, про то лучше вообще не знать. У варваров надо дёшево покупать то, что у них есть в избытке, отвозить другим варварам, у которых этого нет, продавать товар дорого и закупать их дешёвый товар, чтобы продать третьим варварам. А вырученное золото следует хранить у четвертых варваров, дающих под него хороший процент. И вот когда накопится достаточное количество золота, можно будет осесть на берегу. Купить небольшое поместье с виноградником и жить в своё удовольствие. Только покупать следует не в самой Греции, где земля и рабы стоят дорого, а разных царств и республик слишком много и мира между ними нет. Никомедас давно решил купить поместье в колониальном полисе, где и земли предостаточно, и рабы дешёвы, и виноград сладок. Софос, хоть и считал себя великим философом, в жизни понимал мало, зато любил поговорить. Эта его потребность поговорить вносила разнообразие в размеренную жизнь на каласе и развлекала Никомедаса с командой, которой при таком ровном попутном

ветре не приходилось особо напрягаться. В качестве оппонента Софос выбрал для себя молчаливого лекаря, который с почтением выслушивал пространные речи философа и по окончании их всегда соглашался с оратором, что способствовало ещё большему вдохновению Софоса. Слуга лекаря, как и положено хорошему слуге, сидел в сторонке и в ожидании приказов лекаря вырезал из кусков дерева коротким острым ножом маленькие забавные фигурки.

– Магрибские мудрецы, – вещал Софос, – да, их тёмная слава возможно заслужена. Возможно. Я говорил с ними о философии, ибо только посредством неё можно верно познать окружающий мир, составить стройную гармоничную систему знаний и, опираясь на эту систему, преобразовывать мир в соответствии со своими желаниями и возможностями, сообразуясь, разумеется, с волей богов. Но я не услышал ответа. Возможно, его и нет у них, нет понятия философии, а есть лишь случайный набор тайных знаний, подаренных им их богами или приобретённых за многие годы варварской жизни. Они твердят об удаче, словно ничего другого в мире не существует. Но что есть удача? Произвол судьбы, прихоть богов? Или всё же это напряжение воли, мужество, осознанное разумное здравомыслие, трезвый и проницательный расчёт в поступках? – Софос требовательно воззрился на лекаря, сидящего на тростниковой циновке, брошенной на палубу, но тот лишь растерянно развёл руками.

Софос прошёлся по палубе, выдерживая паузу. И почувствовав, что интерес слушателей достиг пика, продолжил.

– Удача это, прежде всего, разум. Годами Эллинский мир развивался в тисках косного варварского окружения. Накапливал мудрость, развивал философию, взращивал как благоуханный цветок культуру, пестовал точные науки и воспитывал в своих гражданах мужество, отвагу и чистоту помыслов. Ветхие границы варварства, сжимающие нас, не выдержали натиска нашего общего разума и рухнули. Мы неудержимой лавиной выплеснулись на восток, и впереди нас шёл лучший из эллинов – Александр, царь Македонии, победитель Персии и владыка Ойкумены. Но разве удача помогала ему в походах и битвах? Если бы он был баловень удачи и любимчик судьбы, то враги бы стелились у его ног, а он бы в праздничных одеждах ехал на победоносной колеснице, забрасываемый цветами. Но не так было. Его забрасывали стрелами, и он пробивался в иссечённых доспехах сквозь ряды врагов, добиваясь победы полным напряжением своих мышц, побеждая врага и мечом и разумом, и щедро оплачивал победы своим потом и своей кровью. Разве боги посылали ему слабых врагов? В битве при Гавгамелах царь Дарий нанёс ему удар копьём в бедро, но и сам был поражён мечом Александра. И если бы телохранители не умчали раненого Дария с поля битвы, то уже в тот день свершилась бы его гибель. В Согдиане, дикий скиф выстрелил из лука, пробил стрелой длиной в два локтя доспехи Александра, и железный наконечник остался в теле Александра. В Индии, боевые слоны чуть не растоптали армию Александра, а царь Пор на боевом слоне вступил в схватку с Александром и нанёс ему рану, но был повержен могучей рукой Александра и был пленён им. Царство Пора потеряло царя и признало власть и первенство Эллады, но великодушный победитель оценил мужество индийского царя и вернул ему его владения. Но разве удача была тому причиной? Разве удача сопровождала Пору в его поражении и возврате величия? Нет, не удача была тому причиной, но прирождённое благородство царя Александра, величие души, взлелеянное в нем его учителем, философом Аристотелем, здравомыслие данное ему богами позволили совершить такой беспримерный поступок и привлечь в друзья бывшего противника, сражённого не столько силой оружия, сколько доблестью и милосердием!

Софос принял чашу с вином, преподнесённую ему слугой по знаку Никомедаса и с достоинством поклонился.

" Действительно, величайшее великодушие, достойное легендарного героя. Положить в бою треть армии, как мне тут вещает этот знаток истории, и благородно отказавшись воспользоваться победой, гордо удалиться восвояси", – подумал восхищённо улыбающийся Маг, – "интересно, а что вообще царь небольшой Македонии забыл в Индии и для чего тогда прихо-

дил в столь отдалённый от него край? Захотел подраться с боевыми слонами или омыть свои сандалии в Хиндийском океане? Надо будет как-нибудь спросить хиндийских мантиков, знают ли они, что их завоёвывал какой-то там царь из далёкой неведомой Македонии? Или им об этом никто не удосужился сообщить, и эта новость прошла мимо них?"

Когда внезапно гибнет огромная империя, образуется пустота. Пустые безжизненные пространства, провалы в знаниях, гигантские сооружения, которыми никто не может и не знает, как пользоваться. И отголоски событий, про которые ещё помнят, не имеют авторства, потому что уже нет той страны, что совершала эти события. И ещё есть дальние провинции, на отшибе империи, пусть не слишком развитые, но не задетые общей катастрофой. Они и становятся наследниками древней истории, перешивая её на свой манер, приписывая себе героические подвиги совершенные великой империей и, растягивая свою ещё невеликую и невзрачную историю на эпохальную, блистательную историю погибшей империи. И сразу все события, до этого невзрачные и серые, начинают расцвечиваться яркими красками, становиться совсем иными, более благородными, величественными и наполненными глубоким смыслом. Если раньше вершиной доблести эллинов считалась история о разрушении своего же собственного города-колонии объединёнными силами всей Греции после многих лет безуспешной осады, то теперь внезапно, всё меняется. Войско Македонии за то же время успевает без существенных потерь завоевать весь известный Греции мир, преодолевая огромные пространства, переправляясь через реки, переваливая через непроходимые горы, штурмуя неприступные крепости и побеждая многочисленных врагов, невзирая ни на ограниченность мобилизационных ресурсов Македонии, ни на отсутствие надёжного тылового обеспечения, ни на растянутость коммуникаций. Если бы в Греции знали об окружающем мире больше, то, несомненно, и история битв и побед царя Александра была бы значительнее, завоевания оказались бы более обширными, а деяния более героическими.

Царь Македонии Александр был не единственным, кого в прошедшие времена звали Великим и даже не единственным, кого звали Македонским. В империи Магриба тоже был когда-то Александр, имеющий личное звание Македонский. Но он не был ни царём, ни полководцем, он был магигом Магриба, и его предназначением было обеспечить защиту северных рубежей империи. В одной из горных македонских долин он воздвиг цепь последних в этом мире накопителей волшебной энергии, и когда гигантские пирамидальные сооружения начали работать, Александр получил своё личное звание – Македонский. Возможно, именно эти накопители и оберегли во время Последней войны северную заштатную провинцию Магриба – Грецию от разрушения. И чтобы удержать контроль над этими накопителями объединённые войска эллинов под предводительством царя Александра из Македонии, усиленные последователями магика Александра Македонского, были брошены для упреждающего удара по наметившемуся союзу царя Дария с хиндийскими мантиками.

В известной Магу истории мира был ещё один Александр, Александр Великий.

Александр Великий тоже не был царём, он был талантливым полководцем Магриба. Вот его целью как раз и была Хиндия, центр империи Хараппи. Наставники утверждали, что Александр был лучшим полководцем своего времени, не знающим поражения. Под его руководством армия Великого Магриба снесла пограничные заслоны Хараппи, разбила полевые армии и в длительном сражении сумела разгромить основные силы хараппцев под предводительством местного царя. Именовался ли этот царь Пором или нет, встречались ли в этой битве Александр и царь Пор или нет, об этом никому уже неизвестно. Великий Магриб успел получить сообщение, что армия Хараппи разбита и дорога на столицу Хараппи открыта. После этого мантики Хараппи нанесли по армии Александра удар такой магической силы, что земля вокруг на многие лиги вымерла и превратилась в пустыню. Так началась Последняя война.

Никого из трёх Александров уже давно не было среди живых, события, связанные с их именами смешались, и некому препятствовать вольной трактовке событий в любом желаемом направлении, исходя из собственных пристрастий и предпочтений.

Никомедас между тем вернул слуге опустевшую чашу и продолжил.

– Что же заставило Александра бросить вызов казалось непобедимому Дарию, каковы были его стремления? Разве ради одной только жажды славы или для собственного обогащения предпринял он этот рискованный поход в неведомое? Александр, как воспитанник Аристотеля, никогда не стремился к личной наживе, он хотел привнести в мир греческую гражданственность, установить согласие между людьми и дружеское общение.

Соппротивление диких варваров он усмирал силой оружия, а укротив и умиротворив беспокойные народы, он даровал им просвещение и законы, приобщая к великой греческой культуре. И все на территории, подвластной Александру, стали следовать его законам, и это сделало их счастливей. Если бы не покорение их Александром, они бы продолжали прозябать в дикости, покорение же заставило их благоденствовать и сожалеть о сородичах, пытавшихся сопротивляться и поэтому не доживших до счастливого времени их завоевания.

Маг оглядел заворожённо слушающих Софоса людей, задержался взглядом на бесстрастном лице сидящего у борта Гамида и понял, что Гамид, как представитель этих самых отсталых варварских народов, ну совершенно не разделяет убеждений Софоса в греческой исключительности и в своей собственной отсталости. И если не вмешаться, то Софос имеет большой шанс не пережить следующую ночь. Маг перевёл взгляд на продолжающего вещать Софоса, но внезапно почувствовал странное ощущение нереальности. Зрение начало расстраиваться, а Софос стал терять очертания. Маг сосредоточился на вновь открывшемся зрении, и картина начала постепенно проясняться. Появилось ощущение, что ни корабля, ни моря не существует, а вокруг Мага обширное помещение, наполненное людьми, и всё внимание этих людей обращено на человека, стоящего на трибуне, в чём-то схожего с Софосом, но в то же время и не имеющего во внешнем облике с ним ничего общего.

– Наш моральный долг, долг белого человека состоит в опеке над более отсталыми народами – веско ронял слова с трибуны холёный, странно одетый мужчина с тщательно подстриженными усиками и густой порослью волос, спускающихся с висков на щеки, подпёртые снизу жёстким воротничком белоснежной рубашки.

– Мы обязаны распространять цивилизацию среди азиатских народов, где до нас безраздельно властвовали полуварварство, регресс и невежество. И если неразумные страны не внимают убеждениям и сопротивляются прогрессу, не замечая очевидных выгод для своего народа, то мы вынуждены для их же блага силой оружия прививать им британские ценности и осуществлять нашу цивилизаторскую миссию. Следующие их поколения будет только благодарны нам, оценят по достоинству наши с вами труды и, покорно следуя за нашими с вами потомками, легко расстанутся со своими старыми предубеждениями и будут лишь сожалеть своим отцам, впустую и бессмысленно сопротивлявшимся принятию британского образа жизни.

Оратор замолчал, посмотрел сквозь Мага и плавно начал расплываться в воздухе. Маг попытался усилием воли вернуть заинтересовавший его образ, и расплывающееся пятно начало снова собираться воедино, постепенно собираясь в фигуру человека на трибуне. Изображение задрожало и неожиданно сформировалось в виде худощавого негра с оттопыренными ушами, одетого в непривычное для Мага одеяние.

– Наша великая страна всегда отвечала на встающие перед ней вызовы, и мы никогда не свернём с пути продвижения свободы и демократии в тех странах Азии, что страдают от гнёта тирании и несправедливости. Мы боремся, и будем бороться за свободу личности и общечеловеческие ценности. И мы готовы помочь демократической части общества в их борьбе против кровавого тирана, совершающего преступления против человечности и осуществляющего геноцид собственного народа! Это наш долг, долг нашей великой свободной страны, и мы не

можем смириться с неразумностью правительств и безответственностью народов, выбирающих путь иной, не совпадающий с единственно верным путём, по которому идёт наша просвещённая страна.

Негр, сделал выверенную паузу, наморщил лоб, демонстрируя озабоченность, посмотрел сквозь озадаченного Мага, и видение медленно растаяло. Маг снова увидел довольного Софоса, стоящего у противоположного борта, голубое небо и слышал плеск волн.

– Никомедас, впереди Дельфиний мыс – прокричал с кормы рулевой. Никомедас встал с кресла, подошёл к борту и, взглядевшись в очертания берега, махнул рукой. Кормчий начал отдавать приказания, матросы схватились за канаты, управляющие парусом, гортатор тоже коротко гаркнул, и гребцы заняли свои места на скамьях. Гортатор ударил в барабан, и весла дружно опустились в воду, разгоняя судно. Кормчий навалился на кормовые весла, и калас начал менять направление, отворачивая свой загнутый нос от берега и направляясь в открытое море. Матросы совместными усилиями развернули парус, поймали ветер и начали крепить канаты. Никомедас уже вернулся в кресло, попивал из бронзовой чаши вино и с важным видом слушал разглагольствования Софоса о величии греческих мореходов, не боящихся плавать прямо через открытое море, в отличие от египтян и финикийцев, боязливо крадущихся вдоль берега. Маг согласно покивал головой, показывая полное одобрение мнения Софоса, и ещё раз попытался расщепить зрение на три части, но новое зрение проскальзывало на периферии сознания и ускользало, не давая никакой картины. После нескольких неудавшихся попыток Маг прервал опыты и начал размышлять над возможностью использования внезапно проявившегося нового свойства своего Дара – предвиденья. Дар предвиденья был присущ практически всем волшебникам, но присутствовал неявно и проявлялся обычно слабо, в виде ощущений, влияющих на принятие решений при выборе возможных путей действия в сложных ситуациях. Видения чёткой, детальной картины будущего достигались у немногих волшебников. Возможность контролируемых видений встречалась ещё реже, такие волшебники были наперечёт и редко использовались в качестве боевых единиц. Исключением из правил был глава Верховного Совета Великого Магриба волшебник Горх, сочетающий в себе и качества боевого магика и контролируемый дар провидца. Остальные волшебники, использующие боевое искусство старались отказаться от неконтролируемого дара, потому что в момент видения, волшебник не мог контролировать события, происходящие вокруг, и становился лёгкой добычей врагов.

Маг оценивающе поглядел на Гамида, который спокойно вырезал из деревяшки очередную фигурку. Терять новое проявления своего дара Магу не хотелось, он уже решил, что такое свойство стоит риска его внезапного появления, а если в дальнейшем научиться управлять даром предвиденья или хотя бы предчувствовать начало его проявления, то опасность можно значительно уменьшить, а вот пользы от использования этого дара может быть очень много. Но до тех пор, пока Маг не научится управлять приступами внезапного предвиденья, придётся именно Гамиду охранять Мага в случае внезапного отключения его сознания от окружающего мира. Конечно, странно было бы доверять свою жизнь прирождённому убийце, тем более убийце, который долгие для него годы безуспешно пытался убить Мага, но других вариантов пока не было. К тому же Маг привык полагаться на своё искусство волшебника, и пока что волшебство его не подводило. Он вспомнил, как в первую же ночёвку на каласе, повернувшись на своей циновке с одного бока на другой, открыл глаза и обнаружил склонившегося над ним Гамида с обнажёнными кинжалами в руках. Обычно спокойное лицо Гамида было покрыто потом и выражало предельное напряжение. Маг сонно улыбнулся Гамиду.

– Как приятно, что ты не спишь, и сторожишь мой покой и сон. – Маг похлопал склонившегося над ним Гамида по плечу. – Благодарю тебя, мой верный слуга. Можешь пока расслабиться и отдохнуть, в море нам никто не угрожает.

Маг зевнул, повернулся спиной к Гамиду и устроился поудобней. Гамид молча спрятал кинжалы и покорно отошёл к своей циновке. Больше попыток убить Мага Гамид не делал.

Пока. Маг не сомневался, что Гамид не оставит попыток обойти заклятие подчинения и Мага интересовало, сможет ли он это сделать и каким образом.

– Смотрите-ка, слуги Посейдона – замахал руками, привлекая к себе внимание, стоящий у борта Софос. Маг подошёл к нему и увидел впереди судна скользкие под водой тела дельфинов. Время от времени дельфины, вспенивая поверхность воды, выпрыгивали под лучи солнца и тут же скрывались в волнах.

– Нет моря без дельфинов и дельфинов нет без морей, как стрелы, что пущены луком, скользят они вольно меж волн, нет в мире прекрасней существ, чем дельфины, – продекламировал Софос, протягивая для выразительности руку с чашей над бортом.

Высоко выпрыгнувший из воды дельфин пролетел почти рядом, чуть не выбив хвостом чашу, и рухнул в море, подняв тучу брызг, словно дождём окативших Софоса. Софос с недовольным криком отпрянул от борта и начал смахивать с одежды солёные капли.

– Осторожнее, Софос – усмехнулся вовремя отошедший от борта Маг – своими красивыми речами ты можешь приворожить дельфинов, они украдут тебя с каласа и придётся тебе повторить судьбу Ариона.

– Не бойся, Софос, мы не отдадим тебя дельфинам. В отличие от пиратов, бросивших Ариона в море, мы умеем ценить поэтов – поддержал Мага Никомедас – можешь гордиться, ты удостоился чести, можно сказать тебя отметили за красноречие и омыли слуги самого Посейдона, а это считается хорошей приметой и свидетельствует о благосклонности богов. За это можно выпить чашу вина.

Никомедас кивнул слуге и тот разлил вино в подставленные чаши Никомедаса и Софоса. Лекарь, как всегда, отказался от вина.

– Парус по правому борту! – закричал с кормы рулевой. Никомедас от неожиданности поперхнулся, судорожно закашлял, расплёскивая на палубу вино из чаши. С трудом откашлявшись, он сунул в руку слуги чашу и подошёл к правому борту. Мористее, на горизонте виднелся парус. Какой-то корабль шёл курсом параллельно курсу «Ока Посейдона».

– Так вот, почему к нам приплыли дельфины – продолжал восторгаться Софос – они принесли нам привет от наших попутчиков. Возможно, мы даже встретимся с ними среди волн и выпьем дружескую чашу!

Никомедас поморщился и отошёл к своему креслу. Только такой болтун, как Софос, мог считать появление чужого паруса радостным событием. В море ходят суда не только купцов, но и пиратов, не говоря уже о военных кораблях стран враждебных Афинам. Это понимал не только Никомедас, Гортатор Окинес уже посадил гребцов на весла и задал пока ещё щадящий темп движения. После второго перерыва гребли, Никомедас снова подошёл к борту, взгляделся в явно приблизившийся парус и махнул рукой Окинесу.

Окинес, славившийся остротой своего зрения, поднялся на нос и, подойдя к Никомедосу, прищурился, разглядывая далёкий парус. Наконец он протёр глаза и откашлялся.

– Это бирема – озвучил он свои наблюдения, – или очень походит на боевую бирему. Чья, не могу сказать, пока что слишком далеко.

– Как думаешь, сможем уйти от них, если будет нужно? – встревожился Никомедас

– Сложно сказать. Они нас точно заметили. У них два паруса и вдвое больше весел. К тому же здесь сильное течение, если пойдём к берегу, то потеряем и время и скорость и ветер, а на вёслах они нас, если захотят, легко достанут.

– Тогда увеличивай темп на вёслах, Окинес и сократи перерывы на отдых. Нам надо обогнуть Дельфиний мыс, после него течение ослабнет. Дальше, за мысом будет бухта и рыбацкий посёлок. Пойдём в бухту, пополним запасы и переночуем на берегу.

Гортатор кивнул, ещё раз кинул взгляд на парус и спустился к гребцам. Гребцы после отдыха расселись по скамьям, опустили весла и под мерный стук барабана начали разгонять калас. Никомедас прошёл к левому борту и всмотрелся в голубоватую дымку, закрывающую

далёкий берег. Линию берега разглядеть было невозможно, но очертания гор над берегом читались достаточно хорошо для того, чтобы понять, что до окончания мыса было ещё далеко. Оставалось надеяться только на удачу и на ветер, раздувающий парус каласа. Но ветер, как показалось Никомедасу начал терять силу, а дельфины, предвестники удачи, такие же непостоянные как ветер и удача, внезапно перестали сопровождать калас и куда-то исчезли. Никомедас огорчённо побряхтел и пошёл в свою кладовую на корму. По пути задержался у задающего темп гребли Окинаса и распорядился выдать гребцам во время следующего отдыха фиников и разбавленного вина для поддержания сил. В кладовой Никомедас снял с себя золотую цепь и золотые перстни, оставив только скромную серебряную печатку на пальце, отомкнул свой сундук и разобрал из двух кошелёв монеты в две стопки. Золотые драхмы и большую часть серебряных обол, вместе с золотыми украшениями спрятал в тайник, а оставшиеся серебряные оболочки и медные халки ссыпал в кошелёк и положил в сундук. Надел на шею серебряную цепь, вытащил из ножен, висящих на стене, меч, покрутил его и со вздохом вложил обратно в ножны. Меч при неблагоприятной встрече с боевой биремой помочь не сможет а, наоборот, только привлечёт опасность. Лучники биремы в первую очередь нацеливаются стрелами тех, кто вооружён и тех, кто стоит возле рулевого весла. Поэтому самое безопасное это быть на носу и сидеть в своём кресле, которое защищает сидящего в нем от стрел. Выйдя из кладовой, Никомедас поднялся на корму к рулевому и поглядел в море. Корабль под двумя парусами неприятно быстро приблизился к каласу.

– Что скажешь о корабле, Ориген?

Кормчий тоже поглядел на приближающийся парус и равнодушно пожал плечами.

– Корабль вроде финикийский. Вроде военный, патрулирует торговый путь, может быть, ищут пиратов, может быть, ищут неприятностей для всех, кто не финикиец.

Никомедас сердито покосился на невозмутимого кормчего и стал рассматривать корпус биремы. Финикийцы почему-то считают эти воды своими, и что самое неприятное, считают, что имеют право проводить досмотр честным купцам, хотя это явный разбой и нарушение прав свободных эллинов. Досмотр – это очень неприятное слово для каждого купца, и кончается досмотр обычно лишними тратами.

– Как считаешь, успеем обогнуть Дельфиний мыс до встречи с ними?

Ориген посмотрел на финикийскую бирему, помусолил палец и поднял его над головой, ловя ветер.

– Нет, Никомедас, не успеем. Больно ходко они идут и идут явно на перехват, а нам и маневрировать негде, у берега сплошные камни. Боюсь, что встречи с финикийцами нам не миновать.

Никомедас недовольно поморщился. Встречаться с финикийцами ему не хотелось. Кое-какой товар в носовой кладовой мог вызвать неприятные вопросы при досмотре. К тому же финикийцы всегда интересовались пассажирами на торговых судах, подозревая в них итальянских шпионов, и вещи пассажиров они досматривали особенно тщательно. А по финикийским законам за всё незаконное на судне отвечал владелец судна. Могли для разбирательства под конвоем биремы заставить изменить курс и посетить ближайший порт, в котором находится гарнизон Финикии. А сколько времени это займёт и чем это может закончиться, только одни боги знают.

– На всё воля богов. Если будут требовать досмотра, придётся подчиниться. Спустим парус и ляжем в дрейф. Но пока есть возможность, будем идти прежним курсом.

Никомедас спустился с кормовой надстройки и миновал Окинеса, мерно стучащего билом по тугому барабану, задавая темп гребли, прошёл мимо работающих гребцов, мерно поднимающих и опускающих тяжелые весла. От их разгоряченных тел резко пахло потом. Никомедас поморщился и поднялся по трапу на нос к своему креслу, возле которого уже стоял слуга с кувшином вина. У борта стоял в одиночестве неожиданно молчаливый Софос, видимо

лекарь вместе со слугой благоразумно спрятался в своей каморке. Никомедас оглядел далёкий берег, вздохнул и уселся в кресло. Слуга наполнил чашу вином и подал Никомедасу. Никомедас неторопливо выпил терпкое густое вино, закрыл глаза и расслабился. Теперь от него уже ничего не зависело, всё было в руках богов. Ритмично бил барабан, скрипели парусные снасти, с плеском опускались в воду весла. Потом в музыку движения каласа постепенно начали вплетаться чужие звуки, несовпадающие с ритмом гребли «Ока Посейдона». Чужой барабан бил звонче, и всплески чужих весел были явно мощнее. Внезапно барабан Окинеса сбился с ритма и замер. Весла вразнобой ударились о воду и тоже замерли. Калас дёрнулся и начал сбавлять ход. Никомедас встревожился и открыл глаза. До окончания мыса оставалось совсем ничего, всего сотня другая стадий, но по правому борту к каласу уже подплывал хищный корпус финикийской биремы, украшенный четырьмя разноцветными круглыми метками, свидетельствующими о былых победах. Боевой таран биремы вспарывал поверхность моря, оставляя за собой вспененные волны, на приподнятой кормовой надстройке выстраивались лучники, а на планшире замерли гоплиты, вооружённые короткими копьями. Но остолбеневший у борта Софос смотрел не на приближающуюся бирему и не на её гибельный таран, зловеще вспенивающий воду, а куда-то за спину Никомедаса. Никомедас обернулся и замер. Мимо него к борту проходил чёрный магрибский волшебник, а за ним по пятам шёл невозмутимый слуга лекаря, держа в обеих руках поклажу. Магрибец подошёл к борту и, подняв вверх правую руку, щёлкнул пальцами. Ветер стих и паруса безвольно опали на обоих кораблях, но никто не бросился убирать повисшие паруса, оба экипажа молча глядели на затянутую в чёрную одежду фигуру волшебника.

– Убрать весла с левого борта.

Команда чёрного волшебника прозвучала вроде бы негромко, но услышали её все на обоих кораблях. Гребцы каласа послушно втянули весла, освобождая место для подхода биремы. Следом за ними по правому борту биремы втянулись два ряда весел. Магрибец легко вскочил на перила фальшборта каласа и повелительно провёл рукой линию вдоль линии борта каласа. Повинуясь его жесту, кормчий биремы навалился на рулевое весло, и бирема плавно подошла к каласу, почти касаясь его бортом. Магрибец легко перепрыгнул на планшир проплывающей биремы, а следом за ним туда же приготовился перепрыгнуть и слуга лекаря. Но перед тем, как уйти с каласа, слуга лекаря повернулся к Софосу и улыбнулся ему, как показалось Никомедасу какой-то неприятной улыбкой. Софосу, видимо, улыбка слуги лекаря тоже не понравилась, и он побелел как торский мрамор. Слуга лекаря перестал улыбаться и отправился вслед за волшебником на палубу биремы. Как только они покинули калас, подул постепенно усиливающийся ветер, раздувая паруса судов, и бирема, обогнав калас, медленно ушла вперёд. Никомедас тяжело опустился в своё кресло, нашарил спрятавшегося за креслом слугу и сунул ему под нос пустую чашу. Чтобы там впоследствии не наврёт Софос в своих рассказах, как бы не распишет храбрость мужественных эллинов, и кому бы там не предпишет заслуги по избавлению от полчищ финикийских бирем, но сейчас Никомедосу необходимо было выпить, чтобы заглушить страх, скрутивший ему все внутренности при виде чёрного пояса магрибского волшебника. Такое он видел впервые, но точно знал, что чёрный пояс носят только боевые волшебники Магриба, и что появление такого волшебника всегда приводит к значительным разрушениям и всеобщим бедствиям.

Глава 4

Плавание на биреме для Мага оказалось тоже познавательным, хотя и не столь "поучительным", как на каласе, где Софос непрерывно навязывал всем, и особенно Магу, свою точку зрения на прошлое, настоящее и будущее всего мира, пытаясь демонстрировать превосходство своей философии над всей остальной деятельностью человечества. На корабле с именем «Разящий» философия особым почётом не пользовалась, пространных рассуждений не произносили, всё подчинялось строгой необходимости, выработанным за многие годы правилам и чётким приказам командира корабля триерарха Ения, выполняющего распоряжение командующего по патрулированию торгового пути. По его распоряжению рейдер «Разящий» должен досматривать все подозрительные суда и «Око Посейдона» попадало в их число, но правила рекомендовали прислушиваться к советам волшебников Магриба и не рекомендовали, не исполнять их требований. Совет магрибца не тратить время на досмотр подозрительного судна, потому что купец торгует с Магрибом и требование как можно быстрее доставить его в Библ, вошло в противоречие с распоряжением командующего и легло тяжёлым грузом на сердце триерарха Ения. Даже ветер, словно привязанный к курсу биремы и меняющий своё направление одновременно с поворотом рулевого весла не улучшал настроение. Дурное настроение триерарха длилось до тех пор, пока впереди не появился столб дыма. Что означает пожар посреди моря, знал весь экипаж биремы. Море само по себе гореть не могло, значит, в море пылает чьё-то судно. Экипаж обычно собственное судно не поджигает, оберегая и товар и свои жизни, значит, судно поджёт кто-то чужой, а экипаж уже не имел возможности препятствовать этому, потому что был либо перебит, либо связан и брошен в трюм пиратского корабля для продажи на невольничьем рынке.

Гребцы заняли свои места на скамьях и, повинувшись неторопливому барабанному бою, стали добавлять скорость биреме слитными взмахами длинных весел.

Когда бирема подошла к месту нападения, на поверхности моря ещё чадила возвышающаяся над водой обгоревшая корма купеческого каласа, вокруг плавали деревянные обломки, мусор, да на плотике, собранном из нескольких брёвен лежало тело моряка.

– Лечь в дрейф, подготовиться к осмотру обломков. – Ения отдал команду и повернулся к кормчему. – Убери паруса.

– Предлагаю не тратить время на паруса, проще просто убрать ветер, – стоящий рядом с кормчим магрибский волшебник на несколько мгновений замер, окаменев лицом и попутный ветер начал медленно стихать. Паруса затрепетали и повисли на креплениях.

Гортатор перестал задавать темп гребли и ударил в бронзовый диск. Весла гребцов под тягучий звон диска опустились в воду и замерли, гася движение биремы. Бирема дрогнула и встала рядом с полузатоленным каласом, мягко покачиваясь на волнах. Облако дыма ещё не развеялось, серой пеленой осело на воду и медленно дрейфовало в сторону моря.

Кормчий помусолил палец и, подняв над головой руку, попытался уловить ветер.

– Штиль, надо же, полный штиль. Расскажешь кому, так и не поверит никто, ещё и обзовут брехливой селёдкой.

Кормчий представил, как он будет рассказывать про этот случай в компании приятелей, и даже зацокал от удовольствия.

– А вот если начнётся шторм, ты вот так вот и шторм тоже сможешь заставить прекратиться? А вызвать шторм тоже сможешь?

– Тебе шторм что, прямо сейчас призвать или немного погодя? – Волшебник оценивающе оглядел кормчего. – Призвать шторм я, конечно, смогу, а вот сможешь ли ты заплатить за своё желание вызвать шторм по расценкам Великого Магриба?

– И сколько же нужно заплатить Великому Магрибу, чтобы начался шторм? – заинтересовался кормчий.

Триерарх, хмуро разглядывающий остатки каласа тоже повернулся к волшебнику, в ожидании ответа, матросы, стоящие возле кормчего, придвинулись поближе и даже бесстрастный слуга волшебника перестал скрести ножом очередную деревянную фигурку.

– Хороший шторм, уважаемый Хаим, стоит намного больше, чем бирема со всем оснащением. – Вежливо ответил магрибец и, видя ошеломление и возмущение на лицах окружающих его финикийцев, пояснил.

– Хороший, правильно организованный шторм может потопить целый флот, а не только одну бирему, поэтому и должен стоить дорого. Впрочем, если у уважаемого Хаима есть лишнее золото, и он готов передать это золото через меня Великому Магрибу, то я всегда готов выполнить его прихоть.

– У уважаемого Хаима, – недовольно буркнул триерарх, – ни лишних денег, ни просто денег никогда не водилось. А вот прихотей и долгов у него больше, чем чешуи у рыбы серебрянки.

А вы, бездельники, – рявкнул он на матросов, – почему уши развесили, быстро спустить лодку, осмотреть судно. Ганний, назначаю тебя старшим в осмотровой команде, после осмотра доложишь обо всём, что заметил.

Пока досмотровая команда спускала лодку на воду и проводила осмотр останков судна, триерарх успел обойти всю бирему и проверить готовность экипажа к бою. Когда лодка вернулась к биреме, триерарх уже снова стоял на кормовой надстройке. Туда же поднялся гортатор и командир гоплитов Киний, уже облачённый в лёгкий абордажный доспех. Следом за ними, не дожидаясь, пока на борт поднимут лодку, по лестнице забежал Ганний.

– Триерарх Ений, докладываю, потопленное судно – купеческий калас из Персии. Груз снят, кладовые пусты. После абордажа калас насажен на таран и подождён. Те, кто выжил после абордажа и пытались укрыться в море, были расстреляны лучниками. Все стрелы нападавшими затем были собраны. – Ганний перевёл дыхание и преданно выпучил глаза на триерарха.

– Хорошо. Молодец. Хвалю. – Триерарх строго оглядел Ганния и, явно сдерживаясь, продолжил, – давай дальше, не тяни кита за хвост.

– Погибший моряк обломил стрелу, зажал её в кулаке, и её не заметили. Тело моряка мы отдали морю, а обломок стрелы забрали себе.

Ганний протянул триерарху обломок стрелы с опереньем и отошёл на шаг назад. Триерарх покрутил стрелу, демонстрируя оперенье всем присутствующим.

– Стандартная армейская стрела италиков. Разумею, что боевой запас италиков мог попасть и к простым пиратам, но обычные пираты так правильно нападение не организуют. Мы бы и сами действовали также. Считаю, что это был боевой корабль италиков. Ваше мнение?

– Согласен. – Кивнул гортатор.

– Будем готовиться к бою с италиками – согласно кивнул и командир гоплитов.

– Согласны они. – Скептически хмыкнул кормчий. – Сначала тех, кто это сделал, догнать надо, а потом уже разбираться, италики они, или не италики. Здесь как раз такое место, считай развилка путей, можно идти тремя возможными путями. Вот каким курсом они сейчас идут и как далеко от нас находятся? – Обратился он уже непосредственно к волшебнику.

Волшебник пожал плечами и недоуменно развёл руками. И когда с надеждой ожидающие его ответа стали разочарованно отводить от него взгляды, магрибец улыбнулся, похлопал кормчего по плечу и лениво произнёс:

– Италийский корабль прямо по курсу. Недалеко. Желаете встретиться с италиками?

– Желаю, – радостно закивал кормчий, – но платить тебе за это, уважаемый волшебник Маг, я не могу, денег то у меня нет, как тебе уже сообщили об этом прискорбном для меня

случае, добрые люди. И, кстати, о моем вопросе, я тебя просто так спросил, а ты использовал своё волшебство и ответил. Об оплате за использования твоего искусства волшебства для определения места, где находятся италики, мы ведь с тобой не договаривались. Справедливо?

– Справедливо, уважаемый кормчий Хаим. Никакой оплаты. Хотя бы потому, что в моем тебе ответе нет никакого волшебства. – Улыбнулся Маг в ответ на довольную улыбку кормчего.

– Как нет волшебства? – Нахмурился триерарх, – тогда откуда ты знаешь, где италики? Или не знаешь?

– Уважаемый Ения, ты сам сказал, что ты, будь ты на месте италиков, напавших на купца, действовал бы также, как они. А что бы ты делал после того как поджёг остатки судна у берегов Италики и дым при отсутствии ветра не рассеялся бы, а осел на воду густым туманом, как мы видим это сейчас?

– Отошёл бы в сторону за стену тумана, спустил бы паруса и посадил бы наблюдателя на мачту. – Начал размышлять триерарх.

– А когда на дым подошёл бы другой корабль, подождал бы, пока он спустит паруса, ляжет в дрейф, и тогда, разогнавшись на вёслах, выскочил бы из тумана и насадил бы на таран неподвижный корабль! – Яростно закончил он и закрутил головой, оглядывая море.

– Гортатор, гребцов на весла, разгоняй бирему. Ганний, матроса на вершину мачты, пусть ищет италиков. Киний, лучников на нос, щитonosцев на корму. У нас не убраны паруса, италики пока не понимают когда атаковать, но рискнут напасть в любой момент. Но пока они стоят на месте! Маг дай нам ветер в паруса. Всем одеть защиту.

Маг кивнул, и задувший ветер начал наполнять паруса. Заскрипела мачта, зашумела, раздуваясь под ветром, парусина, бирема плавно двинулась вперёд. Звеня доспехами, на кормовую надстройку поднялись четыре гоплита с квадратными ростовыми щитами и встали возле кормчего. Забил барабан гортатора, гребцы дружно взмахнули длинными вёслами и добавили хода биреме

– Да не толпитесь вы возле меня, из-за ваших щитов никакого обзора нет. Что вы так плотно прижимаетесь ко мне, я начинаю подозревать вас в противоестественной увлечённости видными мужчинами, – недовольно заворчал Хаим на гоплитов, – отойдите пока в сторону, вы не в моем вкусе.

– Да нужен ты нам. Ты так привлекателен, что если тебя выставить на нос биремы, италики от ужаса сами попрыгают в воду при виде твоей лысины и всклокоченной бородёнки. Киний обещал лишить нас оплаты, если тебя проткнёт хоть одна итальяйская стрела.

– Ения, вразуми этих негодяев, они посмели обозвать меня, кормчего «Разящего», пугалом! Я прикажу матросам выбросить их за борт, чтобы они приставали со своими гнусными непотребствами к нереидам!

– Уймись, Хаим, они просто сказали, что твой героический облик внушает врагам ужас. Чем ты недоволен?

Гоплиты довольно захохотали, а триерарх подошёл к Магу.

– Здесь скоро будут летать стрелы, а возможно и стучать мечи. Тебе и твоему слуге лучше спуститься в трюм. На палубе должны остаться только те, кто будет драться, думаю, это справедливо.

Маг согласно покивал, но уходить с палубы не стал и, улыбнувшись, ответил на скрытый вопрос триерарха.

– Справедливость превыше всего. Великий Магриб не враждует с италиками, у нас с ними нейтралитет, поэтому я не имею права нападать на их корабль. Но Финикия является союзником Великого Магриба, и я, разумеется, обязан помогать союзнику. Поэтому драться будете сами, но удачу я вам смогу обеспечить и она будет на вашей стороне, только распорядитесь ею правильно. И просьба – выдай моему слуге абордажную саблю и круглый щит, чтобы он не скучал.

– Вижу мачту прямо по курсу – донёсся с высоты голос дозорного.

– Убрать паруса – заорал матросам Хаим, на которого гоплиты надевали доспех и затягивали ремни. Барабан гортатора ускорился, и взмахи весел стали чаще. На чужом корабле тоже забил барабан, и вражеская бирема начала разгоняться навстречу «Разящему». Маг встал за спиной гоплита. Рядом с ним встал Гамид, уже получивший щит и надевший на себя перевязь с абордажной саблей. На обоих кораблях застучали по рукавицам лучников тетивы луков после выстрела и полетели первые стрелы. Более манёвренный из-за разгона «Разящий» начал по дуге заходить для удара тараном в борт чужой биреме, и кормчий италиков за стеной овальных щитов навалился на рулевое весло, круто разворачивая свой корабль навстречу биреме финикийцев. Маг раздвоил зрение и увидел разноцветное полыхание коконов душ над головами людей, увидел блеклую синюю дымку над кормой итальянской биремы и, сосредоточившись, потянул дымку удачи на себя.

Рулевое весло чужой биремы внезапно потеряло сопротивление и легко развернулось, сбив с ног двух гоплитов и отбросив кормчего к борту. Бирема потеряла управление и подставила борт под удар. Лучники «Разящего» тут же осыпали стрелами лишившуюся защиты корму и присели за фальшборт.

– У них сломалось рулевое весло! – в восторге заорал кормчий Хаим. – Всем держаться или лечь на палубу!

– Закрепиться! – вторил ему гортатор.

Гоплиты упёрлись щитами в палубу и присели.

«Разящий» с последним гребком рванулся к противнику, ломая выставленные италиками весла, и ударил чужую бирему обитым медью тараном. Обшивка итальянского корабля треснула, оба корабля захрустели от удара, мачты опасно качнулись, но устояли.

– Грести назад! – закричал гортатор и застучал в барабан. Лучники поднялись из-за фальшборта и в упор сделали залп по поднимающимся с палубы италикам. На носу биремы выстраивался во главе с Кинием отряд гоплитов, прикрытых щитами и ошестинившихся копьями. Туда же бежали по планширу матросы с топорами, а со стороны опомнившихся италиков уже летели верёвки с крючьями, чтобы связать оба корабля и не дать финикийцем отойти для нового удара. Наиболее отчаянные италики, размахивая мечами, с рёвом перепрыгивали со своей палубы на нос финикийской биремы, пытаясь отбить место для переправы абордажной команды, и падали под ударами копий строя гоплитов. По команде итальянского капитана под прикрытием щитов гоплитов матросы потащили с носа абордажный мостик с острыми металлическими жалами. Лучники финикийцев выстроились вдоль борта и в ускоренном темпе начали обстреливать абордажную группу, замедляя её продвижение. Матросы обрубали канаты, заброшенные с итальянского корабля, «Разящий» вздрогнул и медленно начал вытягивать свой застрявший таран из тела итальянской биремы. Раненая бирема словно застонала от боли разочарованными голосами своего экипажа, а «Разящий» огласился торжествующими воплями финикийцев.

– Что дальше, Хаим? – Маг вышел из-под защиты гоплитов и оценивающе оглядел частокол стрел, торчащий в щитах. – Бирема италиков затонет?

– Нет, наши с ними корабли достаточно живучие. Италики сейчас заменят рулевое весло, заведут пластырь на пробоину, будут откачивать воду и попытаются предотвратить второй таран.

– Или перевести его в абордажную схватку. – Добавил поднявшийся на корму триерарх. – Давай, Хаим, добей их. Они потеряли маневренность, грести у них могут только гребцы верхней палубы, их кормчий либо ранен, либо убит, я сам видел, что в него попала пара стрел. И благодарю тебя, Маг, ты, действительно великий волшебник. Никогда не слышал, чтобы на биреме во время боя само по себе сломалось кормило. Действительно, как говорит Хаим, расскажешь кому, так и не поверят, сочтут брехливой селёдкой.

– Ты, как хочешь, Ения, а я не утерплю рассказать про такое, ещё и привру, чтобы было интересней. Всё, Ения, достаточно отошли, командуй атаку.

– Гортатор, – крикнул триерарх, – вперёд, разгоняй бирему. Лучникам пополнить запас стрел и не давать италикам высунуться из-за борта. Гоплитам держать нос!

Весла гребцов вспенили волны, и «Разящий» рванулся в атаку на заметно осевшую в море бирему италиков. Вода уже вплотную подошла к уровню нижних весельных портов, но гребцы не убрали весла, а подняли их для ослабления таранного удара, и бирема стала похожа на морского ежа. Возле пролома в воде матросы, обвязанные для страховки верёвками, несмотря на обстрел, укрепляли на пробойне пластырь из просмоленной парусины. Время от времени на борт поднимали подстреленных матросов, но на его место тут же спрыгивал в воду следующий матрос. На заменённом рулевом весле работало сразу несколько человек, пытаясь развернуть корабль и убрать борт с линии атаки финикийцев. Бирема поворачивалась, но слишком медленно. Хаим, направив «Разящего» по дуге, легко обошёл гребёнку весел, и таран ударил вражескую бирему в борт ближе к носу. Обшивка уже повреждённой биремы лопнула от удара и начала рассыпаться. На поверхность моря всплыли обломки досок, куски пакли. Мачта обречённой биремы качнулась, не выдержав удара, переломилась пополам и обрушилась на палубу, завалив штурмовой мостик италиков.

– Отгребать! – Ударил в барабан гортатор. Гребцы дружно навалились на весла и «Разящий» легко подался назад, извлекая таран из обширной пробоины и отходя на удобную для стрельбы дистанцию. Бирема италиков резко накренилась на левый борт, и вода хлынула в весельные порты. Из затопленного трюма на накренившуюся палубу начали выбираться гребцы, чтобы тут же попасть под стрелы, прицельно выпускаемые лучниками, выстроившимися вдоль борта «Разящего». Бирема между тем всё больше кренясь на нос, медленно опускалась в море. Когда над водой осталась только кормовая надстройка, погружение прекратилось. К тому времени на корме собрались все выжившие. Они смогли даже склотить из досок защиту от стрел и пытались отстреливаться из нескольких оставшихся целыми луков.

– Лучникам прекратить стрельбу, – распорядился триерарх, – незачем впустую расходовать стрелы. Киний, готовь своих бойцов к абордажу. Хаим, подведи «Разящего» левым бортом к их корме. Штурмовой мостик на левый борт. Ну что, воздадим храбрым италикам последние почести? – Ений вытащил из ножен меч и поднял его над головой.

– Смерть италикам! – Заорали гоплиты, и их мечи в слитном шелесте покинули ножны.

Гамид тоже достал из ножен кривую абордажную саблю и вопросительно взглянул на Мага. Маг кивнул, и Гамид спустился с кормовой надстройки и тоже встал у левого борта.

Хаим плавно повернул кормило и «Разящий» начал приближаться к торчащей над волнами корме италиков. Гребцы втянули внутрь весла с левого борта, и биремы в полной тишине мягко коснулись бортами друг друга. И тут же с «Разящего» упал на корму итальянской биремы штурмовой мостик, глубоко утопив в дерево палубы свои острые бронзовые жала. А с борта на заметно осевшую корму стал перепрыгивать абордажный отряд финикийцев.

– Не боишься потерять слугу, волшебник? Италики будут драться отчаянно, и сдаваться не будут, да и нам самим пленные ни к чему, только лишняя обуза. – Хаим расслабленно облокотился на рулевое весло, даже не пытаясь выйти из-за щитов гоплитов, напряжённо наблюдающих за боем.

– Если он допустит, чтобы его убили, значит, он плохой слуга, а плохой слуга мне не нужен. Но мне кажется, он не позволит себя убить.

Хаим выглянул в разрез щитов:

– Италиков прижали к борту. Это конец.

– Конец будет, когда падут все италики. А до этого не смей высовываться из-под щитов. Гоплиты со стуком сдвинули щиты перед носом Хаима и отёрли его обратно к веслу.

– Италики могут достать тебя в самый последний момент, а нам потом отвечать перед триерархом.

Когда «Разящий» поднял паруса и взял курс на Библ, за его кормой на поверхности моря догорали обломки итальянской биремы.

Триерарх подошёл к стоящему у борта Магу и, проследив его взгляд, произнёс.

– С чего началось, тем же и закончилось.

– Это было справедливо. А справедливо ли пострадать за справедливость?

– Да, этот бой мог для меня закончиться так же, как и для италиков. – Ений прикоснулся к повязке на своей голове. – Возможно, так и случится в следующем бою, если удача будет не на нашей стороне. Знать бы, когда ты навсегда уйдёшь в море, проще было бы жить.

– Обычно, люди не желают знать предела своей жизни, так спокойнее жить. А у вас, у моряков, странное отношение к смерти, вы свыклись, сроднились с риском. Это на суше можно проиграть схватку и выжить. Отступить, спрятаться, убежать. А у вас дальше палубы убежать невозможно, а спрятаться можно только в глубине моря.

– Вот мы все когда-нибудь там и спрячемся. – Улыбнулся Ений.

Маг тоже улыбнулся шутке триерарха и почувствовал уже знакомое ощущение отдаления от текущего времени. Маг усилием воли остановил развитие отрыва от действительности, забалансировал сознанием на грани и, поняв, что может заставить отодвинуть начало состояние предвидения, успокоился, взмахом руки подозвал Гамида и позволил своему любопытству узнать, что там, за гранью. Сознание соскользнуло в серую глубину межвременья, восприятие мира исчезло, потом ощущения начали медленно появляться вновь.

Перед глазами то расплывались, то ясно проступали из серого тумана сухие коленчатые стебли пожелтевшей травы. В ушах шумело, сквозь шум с трудом пробивались какие-то звуки, то ли крики, то ли лязг. В груди крутилась режущая боль. Вдох, и боль делает оборот, заставляя съёживаться сердце. Туман проясняется и видна блеклая трава. Выдох, и трава пропадает в тумане, боль немного затихает. Маг попытался убрать траву, чтобы увидеть, что там дальше. Тяжёлая, непослушная рука выползла из-под груди. Потом в поле зрения появилась измазанная алым ладонь. Жёлтый перстень на пальце. Ладонь судорожно сгребла пучок жёлтых стеблей, запачкала их кровью. И всё потемнело.

Маг очнулся, сделал осторожный вдох и, не ощутив боли, с облегчением вдохнул полной грудью сладкий морской воздух. Невозмутимым Гамид, стоящий возле Мага, прекратил скрести ножом по деревянной фигурке, сдул с неё стружку и отошёл в сторону. Его место занял озадаченный триерарх.

Маг покрутил головой, приходя в себя.

– Что-то случилось?

– Ты перестал разговаривать и как будто бы обмер, а твой слуга не даёт подойти к тебе.

– Сообщил Магу триерарх.

– Это правильно. Когда я вхожу в транс, мне лучше не мешать и ко мне лучше не подходить, а то Гамид может понять неправильно и сделать что-нибудь нехорошее.

– Ну, что он может сделать, я уже видел на итальянской галере, поэтому не особо настаивал. И зачем ты в этот самый транс уходишь?

– Из любопытства. Твоего любопытства. – Маг внимательно рассматривал золотой перстень на правой руке триерарха. – Это ведь ты захотел узнать, когда ты навсегда уйдёшь в море, так вот, ты умрёшь не на море, а погибнешь на суше в бою.

– Неожиданно. – Ений задумчиво покрутил перстень на пальце – Ну что же, жалко, что я не соединюсь с морем, но пасть на суше в бою, тоже достойная смерть. А подробности можно узнать? Когда буду драться, с кем буду драться? Кто победит в бою?

Маг рассмеялся, а Гамид с уважением посмотрел на спокойного триерарха.

– Что, подробности дорого стоят? Неужели опять дороже биремы?

– Нет, для тебя пророчество было бесплатным. Но боги разрешают смотреть судьбу смертных не чаще одного раза в день, а слуги бога судьбы, ткущие линию жизни и смерти человека, не любят показывать сотканный ими узор посторонним.

– До Библа, если ветер не переменится, «Разящий» дойдёт за семь дней. Что я могу для тебя сделать, Маг из Магриба, чтобы узнать за это время немного больше подробностей о своём последнем дне?

Маг посмотрел на раздутые ветром паруса биремы, помедлил и решительно кивнул.

– Я готов шесть раз спросить богов о твоей судьбе. И если на шестой день бирема придёт в Библ, то я сообщу тебе ответ богов. Считаешь ли ты это справедливым? Что же касается ветра, то он не изменится и если будет нужно, то усилится.

Теперь уже задумался триерарх. Он снова покрутил перстень на пальце, посмотрел на внимательно прислушивающегося к разговору кормчего и тоже кивнул.

– Это справедливая плата. «Разящий» придёт в Библ за шесть дней. Придётся гребцам потрудиться.

За шесть последующих дней Магу удалось девять раз войти в состояние растрояния зрения и, проскользнув через серый сумрак безвременья, прикоснуться на короткий миг к ощущениям триерарха в роковой для него день. Мудрецы Магриба учили, что проснувшийся дар, чтобы он не угас, необходимо раздувать, разрабатывать, заставлять расти и пытаться управлять им, пока хватает жизненных сил. И только почувствовав, что он не исчезнет, можно дать перерыв для его самостоятельного постепенного роста. За шесть дней девять транс предвиденья очень сильно вымотали Мага, но зато с каждым разом видения становились всё более длительными и к тому же управляемо смещаемыми по времени, позволяя видеть события, предшествующие гибели триерарха. На третий день видений Маг почувствовал не жгучую боль в груди и не слабость умирающего тела, а приятное напряжение мышц всадника, скачущего в конном строю. Разгорячённое лицо обдувал горький полынный ветер, впереди через пожелтевшее поле навстречу триерарху скакал конный отряд пёстро одетых воинов, выставив короткие пики. Одна из этих пик в коротком конном бою и пронзила грудь триерарху. Маг несколько раз пытался исправить ситуацию, ему удалось даже немного повлиять на движения всадника и даже увести во время скачки триерарха из передовой группы вглубь конного строя. Но каждый раз удар в грудь сбрасывал тело триерарха в пыльную траву, и после мучительной агонии Маг открывал глаза на биреме, с облегчением вдыхая свежий морской воздух. На пятый день Маг нырнул глубже в серый сумрак и ощутил триерарха ещё до начала битвы. В палатке, где обсуждался план боя, стоял шум, резко пахло лечебными притираниями, и Маг с трудом улавливал смысл разговоров. Но главное для дальнейшей судьбы триерарха он всё же смог понять. У Ения был выбор, возглавить конную группу или пеший отряд на правом фланге. Привычка к риску его и подвела. Обладая хорошим боевым конём и несколькими конными слугами, он выбрал конницу. Хороший моряк редко бывает хорошим кавалеристом. В бою с воинами, степняками, чувствовавшими себя в седле так же уверенно, как моряк на палубе, у Ения не было возможности выйти из боя невредимым.

В девятый сеанс Маг вложил все оставшиеся силы и дополнительно рискнул попробовать применить техники мантиков по изменению течения реальности. Наставники никогда не упоминали о такой возможности, но наставники о многом умалчивали, как убедился за последнее время Маг. Применение волшебства мантиков во время сеанса предвиденья дало странный результат. Маг словно завис в сером ничто, его движение к сознанию триерарха замедлилось, и одновременно серое ничто стало раздвигаться в стороны, ощущение движения возобновилось и, наконец, Маг услышал звуки и в глаза ударил свет.

Звенел металл, орали раненые и те, кто их ранил. Спрятавшееся за низкими облаками солнце освещало поле, на котором разъярённые люди старательно резали друг друга.

– Ения! Первая линия смята! Если прорвут вторую линию, то и третья не удержится! – торопливо докладывал воин в помятом шлеме.

– Вижу! Это их последний натиск. Третья линия! – голос триерарха перекрыл звуки боя, – уплотнить вторую линию и держаться! Они уже выдохлись. Победа с нами!

Неплотная третья линия, состоящая из недавно выведенных из боя гоплитов, подтянулась к фронту и подперла дерущихся бойцов.

Ения вырвал клинок из ножен и, оглядев последний резервный десяток гоплитов, махнул мечом.

– К центру линии. Наш черёд.

В центре линия дрогнула, и воины в чешуйчатых доспехах проломили строй гоплитов. Мелькнуло залитое потом и забрызганное кровью лицо воина в открытом шлеме, Ения принял удар кривой сабли на привычный руке круглый абордажный щит и, сделав шаг в сторону, мощным ударом меча проколол боковую броню противника. Ударом щита отбросил ещё стоящего, но уже убитого воина на втекающих в брешь врагов и сделал шаг вперед, закрывая разрыв. Обмен ударами с воином в когда-то блестящей золочёной броне, теперь покрытой разводами пыли и крови, удар щитом в щит противника, сдвигая его в сторону, и укол в образовавшуюся щель. Противник падает на спину, и из-за его плеча стоящий сзади стремительно бьёт копьём в открытую грудь триерарха. Видение на мгновение туманится, а потом Маг снова чувствует режущую боль в груди и видит поломанные соломины жёлтой травы перед лицом. Кто-то расстёгивает ремни доспеха и бесцеремонно переворачивает его на спину, сознание заволакивается серой мутию и сквозь неё глухо звучит голос:

– Какой доспех испортили, Ения расстроится, когда очнётся.

– Зато живым остался. А за победу полис ему новый доспех подарит, ещё лучше этого.

Маг свободно вдохнул и открыл глаза. Кричали чайки, плескалась вода, шумел ветер в снастях. Перед Магом, заслоняя его от яркого солнца, стоял Гамид. Кроме них на корме был только хмурый Хаим у рулевого весла. Зато на носу сгрудилась у левого борта целая толпа, что-то оживлённо обсуждая и размахивая руками. Маг поднялся с палубы и потянулся, разминая затёкшие мышцы.

– Чем они так заняты?

– Решают, какой величины метку победы рисовать на борту, и каким цветом она должна гореть, когда мы будем входить в порт Библа.

Маг подошёл к борту. По левому борту на подвесной скамейке над пенистыми волнами болтался матрос. Одной рукой он держался за верёвку, а в другой держал кисть, которой беспечно размахивал в такт спорам, бурлящим на палубе.

– А что же ты, Хаим, почему не участвуешь в обсуждении? Я уверен, твоя опытность была бы полезна при обсуждении и позволила бы принять верное решение. Что бы ты посоветовал триерарху? Какого цвета, и какого размера должна быть метка, чтобы это соответствовало одержанной победе?

– Я триерарху уже своё мнение высказал – досадливо сморщил нос Хаим, – но у него своё мнение, а у Киния своё. Я считаю, что, победа должна носить синий цвет, цвет таранного удара, как это и было на самом деле, Киний, разумеется, желает видеть пурпур абордажа и ссылается при этом на рану триерарха, которую тот получил в том бою, а сам триерарх считает, что должно быть трехцветие. И синий, и пурпур и чёрный цвет, цвет силы Магриба. А если бы тебя, Маг спросили, ты бы что предпочёл, чёрную метку или смешанное трехцветие?

– В нашем бою я не участвовал, волшебства не применял, поэтому привнесение чёрного цвета в вашу победу будет несправедливым.

– Я, почему-то так и думал, – заулыбался Хаим. – Эй, Ения! Магриб не желает свидетельства своего участия в битве.

Триерарх отвлёкся от разговора с Кением, кивнул Хаиму, перегнулся через борт и отдал распоряжение матросу. Споры сразу прекратились, вниз передали горшочки с краской. Матросы разместились вдоль бортов, и на красильщика за бортом посыпался вал советов. Триерарх похлопал Кения по плечу и, спустившись на планшир, направился на корму.

– Уважаемый Хаим, как ты думаешь, когда жители Библа смогут увидеть победную метку на борту «Разящего»?

– Ты хочешь узнать, выполнит ли Ения ваш уговор? – Засмеялся Хаим. – Наш триерарх всегда сдерживает свои обещания. «Разящий» уже к вечеру будет в порту, и, когда стемнеет, в городе начнётся праздник. Ну, по крайней мере, для команды «Разящего». И команда будет рада, если ты уважаемый Маг, вместе с Гамидом разделите с нами наше торжество. До праздника как раз и время будет определиться, что там Ению ждёт впереди.

– Благодарю, уважаемый Хаим за приглашение, но задерживаться, даже по такому приятному и важному поводу я не имею возможности, тороплюсь. Но, перед тем, как сойти с палубы славного «Разящего», я, разумеется, выполню свою часть обещания. Магриб всегда выполняет заключённые соглашения, грядущее триерарха мне ведомо и будет ему сообщено.

– Тогда я готов выслушать твоё прорицание, Маг из Магриба, прямо сейчас. – На корму взошёл Ения. – Только прошу, говори по возможности понятней, а то все прорицания, о которых я слышал, настолько запутаны, что не столько проясняют, сколько затуманивают понимание будущих событий. И хорошо бы обойтись без рифмованных строк.

– Увы, уважаемый Ения, я ещё не достиг таких высот в прорицании, о которых ты упоминаешь. – Улыбнулся Маг. – Поэтому не буду выражаться высоким слогом, а скажу простыми словами. Твоё грядущее будет связано не с морем, а с сушей и будет зависеть только от тебя самого. Если в бою на суше ты возглавишь конный отряд, то ты падёшь, падут и все твои воины, и битва будет проиграна. Если же будешь твёрдо стоять ногами на земле, то в бою уцелеешь, твои враги будут разбиты и, в будущем встретишь спокойную старость в почёте и уважении.

– И совет тебе, – Маг рефлекторно потёр себе грудь, – выбирай себе для боя крепкий доспех с усиленной грудной пластиной, не пожалеешь.

Глава 5

Тем же вечером, успев до закрытия южных ворот Библа, на торговый тракт выехали двое всадников. Маг решил не дожидаться утреннего открытия ворот Библа и предпочёл тесноте крепостных стен свободу ночной дороги. Пока небо было ещё ясное и тракт, подходящий к городу, был ровен, скорость продвижения была максимальной. Но когда отгорел закат, и на землю разом опустилась темнота, разбавленная тусклым светом звёзд и пробивающимся из-за дымки сиянием луны, Маг сбавил темп, давая отдых уставшим коням. После полуночи луна, наконец, перестала кутаться в туманную пелену, и дорога осветилась мягким бледным светом. Поднявшийся ветерок закачал ветки, зашелестел листвой придорожных кустов, и кони насто-роженно запрядали ушами.

– Маг, если ты собираешься скакать всю ночь, то освети нам дорогу своей силой. Кони беспокойны и нервничают.

– Отвык за семь лет спокойной жизни управлять конём, Гамид? Привыкай, кони тоже скоро свыкнутся с полумраком и успокоятся. Я не могу использовать волшебство, если в этом нет нужды. Дальше двигаться тоже будем без проявления моего дара. Я постараюсь проявлять свою силу только тогда, когда это будет, действительно, необходимо. А до этого, мастер Гамид, позволь мне считаться твоим почтительным учеником.

– Учеником? – удивился Гамид и довольно усмехнулся, представив себе возможность стать полноправным владельцем бесправного ученика.

– Ну, хорошо, если ты так скромн и возражаешь, то будем считать, что для всех окружающих я твой младший напарник, не волшебник. – Стёр усмешку с лица Гамида Маг. – Будешь звать меня напарник Магдиал, если быстро и коротко – Маг, чтобы нам обоим не ошибиться. Сегодня нам надо ещё доехать до предгорий. Там дадим себе и коням короткий отдых на постоя-лом дворе и с утра снова отправимся в путь. Завтра нам нужно перевалить через горы и добраться до солёного озера. Ты согласен, мастер Гамид?

– Моё согласие не имеет особого значения, но я согласен, напарник Магдиал.

– Тогда, уважаемый мастер, поезжай вперед, а я следом.

Всадники пустили коней лёгкой рысью, потом перешли на шаг в тёмном месте, где заросли отбрасывали тень на пыльную дорогу, и снова кони пошли рысью, когда лунный свет лёг на дорогу. Похолодало. Заросли кустов и тёмные поля сменились небольшими холмами, дорога стала более извилистой и явно пошла на подъем. Только в середине ночи добрались до постоянного двора у дороги, перед закрытыми воротами которого неярко тлел факел, прикреп-лённый к указательному столбу.

– Младший напарник Магдиал, обеспечь отдых нам и нашим коням. – Голос Гамида был ровн и бесстрастен, но Маг уловил в эмоциональном всполыхе души Гамида нотки скрытого злорадства.

– Как скажешь, мастер.

Маг слез с коня, подошёл к воротам и застучал по запертым воротам поднятой с земли палкой.

Где-то скрипнула дверь, потом кто-то подошёл к воротам и некоторое время рассматри-вал ночных гостей через отверстие в воротах. Маг показал за своей спиной Гамиду два пальца, прямой и согнутый. За воротами чувствовалось присутствие двоих человек. Один оценивающе рассматривал приезжих, почёсывая бок, второй спокойно стоял рядом, сжимая в руке какое-то оружие. Маг достал из кармашка на поясе серебряный обол и поднёс к смотровому отверстию.

– Хозяин, нам нужен ночлег до утра, корм для лошадей и пища на утро и в дорогу.

Глаз в смотровом отверстии моргнул и исчез, послушался скрип засова, и ворота медленно распахнулись. Позёвывающий хозяин, возле которого стоял здоровяк с топором, забрал у Мага монету и махнул рукой.

– Заводите коней под навес. Корм им зададут. Сами заходите в дом. Утром вас слуги поднимут и накормят.

– О, великие быки-хранители, никакого покоя нет, даже ночью. – Пожаловался он в темноту и, не переставая зевать, отправился в дом. Здоровяк, воткнул топор в чурку, тоже от души зевнул и вместе с Магом повёл коней под навес.

Утром Маг получил корм для коней и мешок со снадью для всадников. Знакомый крепкий парень с заспанными глазами открыл ворота и выпустил Мага и Гамида со двора, на прощание, зевнув так заразительно, что проняло даже невозмутимого Гамида. Магу на мгновение показалось, что начнут зевать даже кони, но обошлось, кони только замотали мордами и бодро двинулись по дороге. Пыльная дорога сменялась то каменистой тропой, то гатью из стволов ивняка, проложенной по мокрым местам. Травянистые холмы по бокам дороги сменялись слоистыми скалами, цветущие речные долины сменялись сухотравьем степей, луна сменяла солнце, редкие постоянные дворы давали короткий отдых. В середине третьего дня пути измученные постоянной дорогой кони донесли всадников до окрестностей города Соттом, а точнее, до постоянного двора в Гемерре.

Маг, ехавший впереди, остановил коня и внимательно стал рассматривать вывеску, изображающую котёл, висящий над огнём. То ли лёгкий ветерок шевелил поднятую с земли пыль, то ли разогретый на солнце воздух колыбался маревом, но языки огня, нарисованные выцветшими красками, непрерывно плясали под днищем котелка, то охватывая его бока, то опадая вниз.

– Мастер Гамид, остановимся здесь и дадим передышку коням на день. Заодно и себя приведём в порядок.

Гамид молча повернул коня к увитым виноградом воротам, возле которых уже стоял улыбающийся слуга, приветливо машущий руками.

– Ай, какая радость! Какие гости! Как мы рады вас видеть. – Дежурно распевал слуга, пытаясь определить сквозь густой слой пыли, покрывающий одежду путников платёжеспособность посетителей. – Лучшие номера, лучшие вина, лучшая пища, лучшая купальня на всём Востоке, наивысшее обслуживание и удовольствие!

– Наивысшие цены на всём Востоке. – В тон ему продолжил Маг, слезая с коня и снимая пропылённый плащ. – Отдельную комнату на двоих. Обычную комнату, по обычным ценам. Поклажу занести в комнату. Коней расседлать, обиходить, задать корма. Проверю. Нам прямо сейчас кувшин холодного белого вина и кувшин прохладной воды! И подготовь лучшую на востоке купальню! После купальни проверим, соответствует ли здешняя кухня твоей хвальбе. Как тебя зовут?

– Моё имя Манис, уважаемые гости, и я уверяю вас, наш повар лучший по эту сторону моря!

– Так вот, Манис. Если еда будет соответствовать твоим словам, то доплатим и тебе и повару, если же ты соврал, то платы не будет, а мой молчаливый напарник просто отрежет твой сладкозвучный язык, зажарит и съест.

Гамид согласно кивнул, посмотрел на Маниса холодным равнодушным взглядом и Манис непроизвольно прикрыл ладонями свой рот.

Пока готовилась лучшая на всём востоке купальня, Маг и Гамид, сидя за одним из столов обеденного зала, неторопливо утоляли жажду. После скачки по разбитой дороге под лучами жаркого солнца самое приятное занятие это спокойно сидеть в прохладном помещении и, не торопясь, пить восхитительный охлаждённый напиток из воды и сухого белого вина. Лёгкая кислинка со вкусом спелого винограда слегка пощипывает язык и позволяет пить разведённое

вино только маленькими глотками, радуя пересохшее горло, успокаивая сердце и мягко пьяня напечённую солнцем голову. Все волнения и тревоги постепенно растворяются в золотистой влаге, наполняющей кружку, и мир вокруг светлеет и становится добрее, люди, сидящие за соседними столами и возлежащие на подушках у низких столиков во втором зале, кажутся безобидными и благожелательными. Маг всегда любил наблюдать такие моменты не волшебства, а родственного волшебству таинства, мягко изменяющего мир. Но это не мешало ему и наблюдать за посетителями. Вот компания местных жителей, празднующих среди дня какое-то важное для них событие, там две группы торговцев, пережидających за лёгкой выпивкой и лёгкой закуской жаркое время дня, одинокий худой пожилой странник в тёмной балахонистой одежде с неопрятной бородой, жующий какую-то вялую зелень, запивая её водой из глиняной чашки, два поджарых мужчин, вдыхающих дым кальяна в дальнем зале, чем-то неуловимо напоминающих их самих с Гамидом. Маг вопросительно посмотрел на Гамида и тот, не меняя выражения лица, потянулся за своей кружкой и в тени её показал Магу два согнутых пальца и коротко дёрнул большим пальцем в направление дальнего зала. Маг кивнул и поднял глаза на подошедшего слугу.

– Уважаемые господа, купальня вас ждёт, мыльные растворы вспенены, масла для притираний приготовлены для использования по назначению. Две искусные девушки желают порадовать вас приятной беседой, помогут вам смыть пыль дорог, снимут усталость, разомнут ваши тела и натрут вашу кожу ароматными целебными маслами. И всё за скромную плату.

– Манис, обойдёмся пока без девушек, пыль своих дорог мы можем смыть и сами, не тратить понапрасну красноречие, больше чем оговорено, мы не заплатим.

Маг выложил на стол монеты за купальню. Манис ловким движением смахнул их себе в ладонь и пошёл вперёд, указывая дорогу. Маг пропустил вперёд Гамида и пошёл замыкающим, чувствуя спиной острые, колющие взгляды двух наёмников из дальней комнаты.

Купальня действительно оказалась необычной. Маг ожидал увидеть обычную мыльную комнату с бочками холодной и горячей воды, а увидел настоящую магрибскую купальную комнату с двумя мраморными бассейнами, один из них был заполнен прохладной водой, а второй был наполнен тёплой водой и исходил паром. Стены были облицованы мраморной плиткой с полустёршимся цветным узором. Дополнительно к бассейнам в купальне находились и обычные деревянные бочки с горячей и холодной водой, но кроме них на широкой мраморной скамье стояли чаши с шапками цветной пены, а открытые кувшинчики из белой глины распространяли цветочный запах масляных притираний.

– Что ж, Манис, пока ты оказался прав, лучшей купальни по эту сторону моря я ещё не видел – Маг достал дополнительную монету, вложил её в раскрытую ладонь радостно улыбающегося слуги и закрыл за ним дверь. За спиной послышался всплеск воды, и когда Маг обернулся, то обнаружил уже погрузившегося в тёплый бассейн и поэтому довольного Гамида.

– Мастер Гамид, те двое наёмников в зале, как мне показалось, были не слишком рады моему появлению.

– Ждут заказчика и опасаются, что мы можем перехватить выгодный заказ и забрать обещанные им деньги.

– Вижу, что ты тоже чего-то опасаясь, даже спрятался с головой в воду. Думаешь, тебя там не заметят?

Гамид зачерпнул из чаши густую пену и с наслаждением начал растирать её по жилистому телу.

– Я всего лишь выполняю твой приказ, младший напарник Магдиал. Я мастер, ты младший напарник. Я должен мыться, ты должен меня охранять, чем ты недоволен? – И Гамид начал намыливать себе голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.